

ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ

КУВАЕВ

ТЕРРИТОРИЯ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

р у с с к а я к л а с с и к а

Олег Куваев
Территория

«АСТ»

1974

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Куваев О. М.

Территория / О. М. Куваев — «АСТ», 1974

ISBN 978-5-17-095061-4

Территория – это Чукотка, самая восточная оконечность великого Сибирского края. Холодный, суровый мир, беспощадный к слабым и любителям, щедрый к волевым и целеустремленным. Молодой вятский парень Сергей Баклаков волею судьбы оказывается на самом «краю мира», в Поселке, откуда уходят в бескрайнюю тундру поисковые партии. Сергей тоже попадает в такой отряд, идущий искать россыпное золото. Только вместо романтики и приключений ему пришлось столкнуться совсем с другим... Олег Михайлович Куваев (1934–1975), талантливый геолог, известный советский писатель, за свою короткую жизнь оставил яркий след в отечественной литературе. Самый знаменитый его роман «Территория» (1974) выдержал более двух десятков переизданий, был переведен на ряд европейских и азиатских языков.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-095061-4

© Куваев О. М., 1974
© АСТ, 1974

Содержание

Всестороннее описание предмета	6
Примечания к маршруту	8
I	10
1	10
2	21
3	31
4	33
5	38
6	42
7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Михайлович Куваев

Территория

© О.М. Куваев, наследники, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Всестороннее описание предмета

«...Золото – прекраснейший из металлов. Что происходит с драгоценными камнями, за которыми едут на край света? Их продают и превращают в конце концов в золото. С помощью золота можно не только делать все что угодно в этом мире, с его помощью можно извлечь души из чистилища и населить ими рай...»

Христофор Колумб. Письмо королю Фердинанду

«В их пустынях есть рудники, и самородки бывают такими большими, что видны, как трава на песке».

Абу-л-Хасан Али ибн ал-Хусейн ал-Масуди. «Промывальни золота и россыпи драгоценных камней»

«...В один из этих дней случилось так, что Его Величество (Рамзес Великий) восседал на великом троне из электрона¹, увенчанный короной с двойным убором из перьев, чтобы подумать о землях, из которых доставляют золото, и обсудить планы сооружения колодцев на безводной дороге, ибо он слышал, что в земле Акита встречается много золота, но путь туда совершенно лишен воды».

Надпись на Кубанском камне. 1282 год до н. э.

«...Царь Соломон также сделал корабль в Ецион-Гавере, что при Элофе... в земле Идумейской. И послал Хирам на корабле своих подданных корабельщиков, знающих море, вместе с подданными Соломоновыми; и отправились они в Офир и взяли оттуда золота четыреста двадцать талантов² и привезли царю Соломону...»

Третья книга Царств, гл. 9, стих. 26–28

Офир искали в Аравии, Индии, Африке, на Цейлоне и в Южной Америке.

Примечание автора

Поводом и целью похода аргонавтов также служило золото.

Второе примечание автора

«Я царствую... Какой волшебный блеск!
Послушна мне, сильна моя держава;
В ней счастье, в ней честь моя и слава!»

А. С. Пушкин. «Скупой рыцарь»

«Спрячь золото верней!
Смотри, следят за нами.
Спрячь золото верней!
Свет солнца страшен мне:
Меня ограбить может пламя
Его лучей.

Спрячь золото верней:

¹ Электрон (греч.) – сплав золота с серебром. – Здесь и далее примеч. пер.

² Талант (греч.) – мера веса в древнем мире.

Не здесь, а под семью замками,
Не здесь, а дальше, где-то там,
Зарой поглубже в мусор, в хлам,
Под хворост, за дровами...
Но как узнать, но как узнать,
Откуда вора можно ждать?»

Э. Верхарн. «Золото»

«Металл он и есть металл. Но *этот* – глупый металл. Из железа паровоз, или трактор, или башню какую. Из алюминия самолет, из меди провод. А из *этого* сплошная судимость».

Безвестный шурфовщик

«...только что поделенное богатство – пустяки по сравнению с теми, которые нас ожидают. Ведь знаем же мы теперь, какие здесь великие города и изобильные золотые прииски – все это наше, и все мы станем богачами...»

Бернал Диаз. «Записки солдата»

«...Да будем золоти, яко золото се...»

Древняя славянская клятва

«Все бросали свои обычные занятия и шли за золотом. Чиновники правительства, волонтеры, пришедшие для завоевания Калифорнии, бросали свои места. Офицеры, ожидавшие заключения мира с Мексикой, оставались одни, без прислуги, и губернатор Монтерея, полковник волонтеров Меси, в свою очередь, исполнял обязанности артельного повара. Купеческие суда, пришедшие в порт Сан-Франциско, были оставляемы командой... Строгая дисциплина военных судов не в силах была удержать матросов от бегства. Только что родившиеся поселения опустели, и посевы хлеба, поднявшиеся в этот год замечательно хорошо, гибли по недостатку рук...»

Описание калифорнийской «золотой лихорадки», сделанное горным инженером Дорошиным. Отчет о командировке в Калифорнию, «Горный журнал», 1850 год

Примечания к маршруту

Чтобы попасть на Территорию, вы должны сесть в самолет. Правда, летом вы можете добраться сюда и на пароходе – месячное плавание среди льда и тумана, когда кажется, что мир исчез и существуют лишь железная палуба, переключки сирен каравана и ваша каюта. Через несколько дней именно в каюте вы и будете проводить почти все свое время, ибо вам быстро осточертеет блеклая полярная вода, низкое небо и слово «навигация», которое произносится тысячу раз на дню. «В этом году навигация в отличие от прошлого года...» В мыслях своих вы привыкли к тому, что название Территории, даже само решение попасть туда, служит гарантией приключений. Это страна мужчин, бородатых «по делу», а не велением моды, страна унтов, меховых костюмов, пург, собачьих упряжек, морозов, бешеных заработков, героизма – олицетворение жизни, которой вы, вполне вероятно, хотели бы жить, если бы не заела проклятая обыденка. Во всяком случае, вы мечтали об этом в юности.

Однако пароходом на Территорию сейчас не плавают уже никто, кроме представителей творческого труда, которые мечтают познакомиться со «всем Севером» в короткое время.

Вы полетите туда самолетом. Лет двадцать назад это тоже было незаурядным дорожным подвигом. Но сейчас вы долетите без приключений. Когда же вам надоест почти сутки сидеть в самолетном кресле и продувать себе уши после посадок на забытых богом аэродромах, вы встретитесь с первой неожиданностью. Рейс ваш окончится не на той планете, с которой начался. Вас ожидает прохладный и влажный воздух, черный и желтый пейзаж, если вы прилетели летом, и некая суровая снежная обнаженность, которую трудно передать словами, если вас затащило туда зимой. Нет тут берез, кленов, ясеней, сосен, лиственниц. Есть сопки и тундра, чудовищно, даже как-то клинически голые, и в вас поселится легкий страх, особенно если вы выросли среди мягких пейзажей европейской России.

Вскоре вы заметите, что люди здесь также отличаются от тех, что остались в семнадцати летних часах. Если вы прилетели на неделю, на месяц или даже несколько месяцев, вы так и не поймете, чем они отличаются. Но они все-таки отличаются, то ли раздражающим снисхождением к вам, залетному и временному, то ли странной привычкой сидеть не на диванах и стульях, а на корточках у стены, то ли небрежением к деньгам, то ли отсутствием любопытства к свежим анекдотам и сплетням «из сфер». Не исключено: вы с тайным злорадством подумаете, что эпоха сверхзвуковой реактивной авиации и блочных домов скоро все и везде уравниет.

Если вы прилетели в Поселок, главный центр на севере Территории, у вас есть основания так думать. Те же блочные дома, как в Кузьминках, те же «МАЗы», «Колхиды», «Татры», «УАЗы» гудят на дорогах, а ветер гоняет индустриальную пыль и обрывки газет. По улицам не бродят олени или ездовые собаки, на углах не торгуют пыжиком, люди одеты в те же пальто, плащи, туфли, что в Ленинграде. В квартирах крутят те же пленки на тех же магнитофонах, и на книжных полках стоят те же книги, что в вашей квартире. Но если душа ваша не очерствела от частых перемещений по государству или, наоборот, не поблекла от жизни в одном месте, вы постоянно будете чувствовать, что нечто главное идет мимо вас, и оно не умещается ни в рассказы старожилов, ни в кадры слайдов, ни в записные книжки. Возможно, это главное заключается в узкой полоске ослепительно лимонного цвета, которая отделяет хмурое небо от горизонта в закатный час. У вас вдруг сожмет сердце, и вы подумаете без всякой причины, что до сих пор жили не так, как надо. Шли на компромиссы, когда надо было проявить твердость характера, в погоне за мелкими удобствами теряли главную цель, и вдруг вы завтра умрете, а после вас и не останется ничего. Ибо служебное положение, оклад, квартира в удобном районе, мебель, цветной телевизор, круг приятных знакомых, возможность ежегодно бывать на курорте, даже машина и гараж рядом с домом – все это исчезнет для вас и не останется никому

либо останется на короткое время. Во всяком случае, бессмертная душа ваша, неповторимое и единственное ваше бытие тут ни при чем. Что-то вы упустили.

Можно суеверно считать, что подобные мысли рождены пространствами, составляющими Территорию.

До настоящей «полярной болезни», или как там это называется, вам еще далеко. Просто вы начинаете чувствовать настроение, дух Территории. Позади вас гремит и перекликается Поселок, над головой с мерным рокотом прошел оранжевый самолет полярной авиации. Он идет в Город – центр обширной области, куда входит и Территория. Но вы видите только закатную полосу над хмурым морем. Над перевалом, красным от того же заката, клубится красное облачко пыли, и в нем исчез грузовик, идущий на дальний прииск с каменным углем в мешках, или с синтетическим барахлом в контейнере, или с яйцами в деревянных бочонках, или с разлапистым металлическим агрегатом на автоприцепе. В кабине того грузовика рядом с шофером сидит, наверное, командировочный вроде вас человек, смотрит на ленту дороги, рассекающую тундру и сопки, и сочиняет предварительный мемуар на тему «Когда недавно я летал в Арктику». Но постепенно рев двигателя, ползущие навстречу черно-белые сопки, редкие машины, подобные усталым бродягам на бесплодной, изорванной ветром равнине, – все это, именуемое «трасса», завораживает командировочного человека, и найденные час или два тому назад слова мемуара предстают бессмысленными, глупыми и хвастливыми. В них есть личность рассказчика, слово «я», но нет Территории. И вообще все это не так, не так, все иначе...

Двадцать лет назад через этот перевал так же пылили грузовики, идущие на касситеритовый прииск, выстроенный во время войны. И через этот же перевал уходили тракторные сани, груженные взрывчаткой, брезентом, мехом, железом, детонаторами в плоских ящиках, соляркой, бензином и многим другим. А поверх всего на санях сидел разный народ и смотрел в бледное небо или на Поселок, который, конечно, был совершенно иным, но был. А теперь задайте себе вопрос: почему вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный февральский ветер? Может быть, именно это поможет ответить на недовольство, которым мучаем мы сами себя во время бессонницы в серый предутренний час, когда светлеют окна и гаснут звезды.

I Лето

1

В тот год на Территорию пришло необычное лето. Весна стояла затяжная, холодная даже для семидесятых широт и больше походила на осень. Весь май шел снег, дули малосильные и потому особо тоскливые пурги. В июне свалилась невиданная жара – тридцать градусов. Комары расплодились в неделю и стали до смерти заедать оленят в безветренных тундровых урочищах и сидящих на привязи ездовых собак в прибрежных поселках. Собак, вопреки правилам, пришлось отпустить. Они сразу ринулись в тундру уничтожать птичьи гнезда и разгонять все живое.

Вслед за жарой пришли тундровые пожары. Горели на больших пространствах ягель, трава и торф. Дым застилал горизонт и окрашивал окрестность в сиреневые и фиолетовые тона. Оранжевое солнце безостановочно кружило по небу. Не было никому спасения от круглосуточного света полярного дня, запаха дыма и чувства беспричинной тревоги.

В конце июня лед оторвало от побережья. Почти сразу его вынесло и из морской губы, за восточный берег которой уцепился Поселок. Губа лежала гладкая, отражала в себе солнце и скалы.

Навигация в это лето началась почти на месяц раньше обычного. Дым старого ледокола, приведшего караван, смешивался с дымом горящей тундры. Силуэты судов на рейде зыбко дрожали и размывались в разноцветные миражи.

– Импрессион! Впечатление! – так сформулировал свое мнение образованный малый в стоптанных до стельки туфлях и телогрейке, накинутой на голое тело.

– В Гренландии растают ледники. Уровень Мирового океана поднимется. Все затопит, кроме высокого плоскогорья Тибет. Далай-лама хохочет, – поддержал его стоявший рядом собрат. Они сплюнули в Северный Ледовитый океан и направились в порт зарабатывать на продолжение жизни.

Портальные краны вычерпывали из трюмов груз, который затем вереницы машин везли к обтянутым колючей проволокой приземистым складам «Северстроя».

От тяжелого бега машин на улицах Поселка висела черная пыль, в окнах домов дребезжали стекла. Для тех, кто здесь жил, казалось, что к ним пришло буйное многолюдство, какой-то праздник: морячки в импортных плащиках, уверенные в себе летчики ледовой разведки, щеголеватые полярники из штаба проводки судов, грузчики, суперполярно одетые журналисты с мандатами – вся эта публика, что появляется вместе с судами и с ними же исчезает. Так называемый генеральный груз был уже на складах, грузы второй очереди на подходе к кранам, а суда с разного рода излишествами в виде эстрадных пластинок и дорогих коньяков уже ждали очереди на рейде. Такого никогда не бывало, как никогда не бывало, чтобы в середине июля, в самое жесткое время «сухого закона», в магазинах было пестро от винных наклеек. Старожилы, приученные к осторожности климатом и суровыми порядками «Северстроя», говорили, что надо ждать бед, потому что «если Территория начинает походить на Африку, то...». Они веровали, что все под луной сбалансировано неподкупным бухгалтером и неприятности обязательно уравнивают удачи. Пока шла удача.

...Здание геологического управления виднелось с любого конца Поселка. Оранжевое солнце круглые сутки отражалось в окнах второго этажа. Вечерами казалось, что охваченное пламенем управление плывет по крышам окружавших его барakov. У входа лежал огромный,

как колпак бетонного дота, череп быка-примигениуса. От входа начинался тамбур, заставленный железными бочками для воды (зимой и летом пресную воду в Поселок завозили в цистернах). За тамбуром – обитая войлоком дверь, и уж за ней сидел вооруженный охранник.

Длинные коридоры управления были пусты. Двери большинства кабинетов опечатаны. Масляная краска на стенах обшарпана спинами. Пахло пылью, сапогами, полушубками и хлоркой.

Кроме вахтера в управлении в этот летний день находилось четверо. В угловой комнате первого этажа с надписью «В радиорубку! Категорически!» сидел управленческий радист Гаврюков, рыжий, как осень, человек электроники и ключа из бывших флотских радистов.

На втором этаже были главный инженер управления Чинков Илья Николаевич по прозвищу Будда, его секретарша Лидия Макаровна и прораб-промывальщик Куценко по прозвищу Скарабей. (В «Северстрое» все, от работяг до генералов, имели прозвища – такая традиция.)

Лидия Макаровна сидела перед зачехленной машинкой, смотрела в стену и курила. В пепельнице неряшливой горкой дыбились до мундштука папиросы «Норд». Привычкой палить папиросы до «фабрики», одеждой (не то жакет, не то китель из темного шевита), собранной кое-как прической и неласковым взглядом Лидия Макаровна напоминала замотанных вдов военного времени.

В кабинете напротив, захламленном, как при срочной эвакуации, Куценко поднимал с пола мятые листки, вырванные из журнала «Огонек» (когда-то в них были завернуты образцы), разглаживал, читал и складывал в стопку. Куценко был широк корпусом, со стриженным затылком, жестким чубом и действительно напоминал жука в брезентухе и сапогах. На Реке он имел репутацию виртуоза в работе с лотком, числился прорабом по штатному расписанию и адъютантом Чинкова по сути.

Сам же Чинков в своем большом и пустом кабинете сидел в странном кресле из черного дуба с уходящей под потолок спинкой и медными квадратными бляшечками орнамента. Зеленого сукна стол перед ним был чрезвычайно чист: ни карандаша, ни бумажки, ни даже пылинки. Те из геологов, которые успели до отъезда в тундру познакомиться с главным инженером, отметили странную эту привычку: сидеть в кресле перед пустым столом. Взгляд тяжело опущен, поза разбухшего идола, темный костюм, темная рубашка, черный галстук и лицо тоже темное, чугунного цвета.

Где-то за управлением с натужным ревом прополз трайлер, стекла завывли, над крышей соседнего барака ветер взметнул струю фиолетовой пыли. Чинков встал и с неожиданной живостью пересек кабинет. Лидия Макаровна не повернула головы, лишь пыхнула раз-другой папироской. Чинков с порога сказал:

– Прошу записать приказ. Сегодняшнего числа предписывается главному инженеру Чинкову И. Н. выйти на базу Восточной поисковой партии. Срок командировки семь дней. Сопровождающий Куценко К. А. Подпись: главный инженер Чинков.

– И. о. главного геолога, и. о. начальника управления, господь бог един в трех лицах, – не пошевелившись, сказала Лидия Макаровна.

– Что-нибудь случилось? – Голос у Чинкова был глухой и тихий, как это часто бывает у крупных людей.

– Гармыдр, – кратко пояснила Лидия Макаровна.

– В чем заключается... это явление?

– Зашла в общежитие для ИТР. Мальчики два месяца в тундре, а лед по углам до сих пор не растаял.

– Это забота начальника управления Фурдецкого, – сухо сказал Чинков.

– Придет осень, вернутся мальчики, выберу я себя в местком. И объявлю я вам, падишам, войну на взаимное уничтожение. Великие планы! Пр-р-оекты! Банкеты и лауреаты. А выбрать мальчикам сухой барак некому. – Лидия Макаровна взяла новую папиросу.

Чинков промолчал, глядя на дверь приемной. Дверь медленно открылась. Просунулась голова Куценко.

– Сегодня выходим. Машина подбросит до прииска. Пересмотрите груз, приготовьте мне одежду и выбросьте всё лишнее. От прииска пойдем поисковым маршрутом, – сказал Чинков.

– Старожилы пугают: снег должен быть. Если в июне палит, то в июле обязательно падает снег, – осторожно ответил Куценко и зашел в приемную.

– Как-нибудь перетерпим, – отвлеченно пробормотал Чинков.

– Обрадуются вам там. Нагрянете вместе со снегом. Палатки драные, из мешков шерсть горстями лезет. Сапоги в утиль не возьмут. И тут еще вы: «Считаю, что выполненные работы полезны, но можете сделать гораздо больше», – Лидия Макаровна очень похоже передразнила главного инженера.

– Именно так, – серьезно сказал Чинков. – Прежде всего работа, потом сапоги. Прошу оставить ненужные разговоры.

– А не будь мальчиков, вас, падишахов, дворниками никто не возьмет, потому что...

Раздался сиплый рев парохода. Какое-то судно спешило уйти по чистой воде и прощалось с Поселком.

– Пароходы и то сбегает. О господи! – закончила Лидия Макаровна. – Думала, старая дура, что удивляться уж разучилась, а...

В этот момент и возник радист Гаврюков. «Главного инженера товарища Чинкова требует Город на срочную связь», – соблюдая субординацию, сообщил он Лидии Макаровне, хотя сам Чинков стоял тут же.

Когда Чинков вернулся из радиорубки, на столе у Лидии Макаровны было прибрано, табачный дым выветрился, окурки из пепельницы вытряхнуты, в машинку вставлен свежий лист.

Чинков задумчиво постоял в кабинете и продиктовал:

– В изменение предыдущего приказа главный инженер Чинков сегодня отправляется в Город на совещание главных инженеров.

Лидия Макаровна быстро отстукала текст.

– Прошу машину. Узнать о самолетах. Если Фурдецкий задержится, прошу присмотреть.

– За чем именно?

– Вообще.

– Все будет в порядке, – со вздохом сказала Лидия Макаровна.

Чинков молча прошел к себе, уселся в феодальное кресло и принял любимую позу: руки на подлокотниках, голова набычена, взгляд в поверхность стола. Он сидел так долго, пока не вошла Лидия Макаровна.

– Повезло. Через два часа будет рейсовый борт. Машина внизу.

Чинков неторопливо выдвинул ящик стола, вынул дерматиновую облезлую папку черного цвета. Это была знаменитая на весь «Северстрой» «черная папка Чинкова», в которую ни один ловчила еще не сумел заглянуть.

– Я готов, – детским голосом сказал он.

...Среди множества фотографий, оставленных человечеством, есть такая: группа молодых людей в унтах, собачьего меха куртках, длинноухих якутских шапках стоят на фоне бревенчатого барака, окруженного редкими лиственницами. На бараке виден лозунг «Привет совещанию горняков «Северного строительства». У молодых людей на фотографии гладкие волевые лица, светлые глаза, и во всем их облике видна уверенность, которая неизменно выра-

батывалась в те годы на Реке у всех, кто уцелел, не сломался. Впрочем, на земле «Северстроя» слабый не жил. Слабый исчезал в лучший мир или лучшую местность быстро и незаметно. Кто оставался, тот был заведомо сильным.

Один из них погиб, один стал академиком, остальные просто вошли в легенду. Эта легенда закреплена в изданных книгах, газетных статьях, фольклоре и, если всего этого мало, во многих десятках тонн золота.

Третьим слева на ней стоял Илья Николаевич Чинков, уже тогда имевший прозвище Будда. Молодым инженером он по собственному желанию попал на Реку. К здешней инопланетной жизни Чинков пришелся с точностью патрона, досланного в патронник. Здесь ценили крупных людей. Еще студентом Илья Николаевич был настолько солиден, что иной доцент выглядел рядом с ним мальчишкой. В «Северстрое» не терпели «балаболок» и выше всего ценили исполнение приказа. Чинков был всегда молчалив и вламывался в работу, как танк в березки. Никто не удивился, что через два года он стал начальником крупной разведочной партии на притоке Реки. К тому времени и относится фотография.

Он круто пошел бы в гору, как разведчик уже найденных золотых россыпей, но еще через год перевелся на новые земли, которые изучало геологическое управление «Северного строительства». Это было в среднем течении Реки. Именно здесь Чинков создал основы грядущей легенды, где беспощадность к себе и другим была помножена на удачу. Его экспедиция открыла одну из золотых россыпей края. Самую северную золотую россыпь Реки. Он получил орден, Государственную премию и окончательное признание.

Чинков же подал руководству «Северстрою» рапорт. Он просил перевести его в заштатное геологическое управление на берегу Ледовитого океана. Человек с твердой репутацией удачливого «золотаря» просился в оловоносную провинцию. Управление Поселка, куда он переходил, было знаменито одним: геологи его считались старообрядцами геологии. Ноги – средство передвижения, геологический молоток – инструмент познания, все остальное от лукавого.

О причинах рапорта Чинкова в Городе много гадали. Одни решили, что Будда стремился в захолустье, чтобы написать диссертацию. В «Северстрое» не одобряли диссертаций. Другие высказали догадку, что он намеревался проверить свою фантастическую удачливость на олове. Считали и так, что Будда возжаждал неограниченной власти, которую за дальностью расстояния (все-таки пять летных часов) мало чем мог ограничить Город. Но не нашлось никого, кто спросил бы его о причинах. Внешность Чинкова, чугунное лицо его не располагали к вопросам.

... Каждый раз, прилетая в Город, Чинков останавливался в одном и том же номере гостиницы. Коллеги его останавливались у знакомых друзей по давним походам, совместной работе или в их пустых квартирах, если те уезжали в отпуск. На худой конец останавливались в номерах люкс, приличествующих их положению. Чинков друзей не имел, и его постоянный номер был очень скромным: умывальник, койка, письменный стол, окно.

Он подождал в гостинице час, пока из «его» номера кого-то переселяли. В номере он привычно глянул в окно на сопки, плешивые после вырубок. Затем вынул из портфеля свою черную папку и не спеша вышел на улицу. В управление он все равно опоздал и ждал перекура. Напротив гостиницы шумел асфальтовый пятачок. На одном углу пятачка стояло здание круглосуточного телеграфа, на другом – автостанция. Чинков не спеша прошел вверх, где Город взбегал на гору, а затем обрывался к самому морю. Город выглядел очень современным, культурным, потому что он был махом воздвигнут в эпоху архитектурных излишеств. Единый стиль башенок, колонн и выступов придавал ему законченный вид.

Здание геологического управления, выстроенное из серого массивного камня, было самым крупным в Городе. Напротив находился сквер с тоненькими березками, посаженными

в субботник два года назад. Чинков окинул все это привычным взглядом и открыл высокую дубовую дверь управления.

Оказалось, что совещание еще не начиналось, потому что главный инженер управления Робыкин задержался в политотделе. Корифеи золотой промышленности чесали языки в коридоре – мужчины с изрезанными морщинами лицами, сверхчеловеки. Каждый нес за плечами груз легендарных лет. Каждый пришел на берег бухты, где сейчас Город, юнцом, или ни черта не знающим, кроме веры в свою звезду, молодым специалистом, или вольным старателем, которому стало тесно в изученных районах. Спины их по сей день были прямыми, и каждый, если даже позади числилось два инфаркта, считал себя способным на многое. Так оно и было, потому что любой из этих мужиков прошел жестокую школу естественного отбора. Они гоняли собачьи упряжки во времена романтического освоения Реки, погибали от голода и тонули. Но не погибли и не потонули. Глушили спирт ящиками во времена славы, но не спились. Месяцами жили на допинге, когда золота требовала война, и не свихнулись.

Чинков вошел в коридор как равный к равным. Походка его изменилась. Он легко нес тяжелое тело, держал папку за угол кончиками пальцев – весь независимость, доброжелательность и легкая настороженность. Друг друга корифеи приветствовали с шумом и манерами беспризорников, но никто не устремился навстречу Чинкову. Лишь кивки, «о-о, привет» и еще заинтересованные косые взгляды. Чинков был самым молодым среди прославленных и седых, ворвался, раздвинул ряды. Даже преждевременная полнота отделяла его от них. Они сухопарые аристократы-основатели, он плебей, выскочка, продолжатель. И так далее. И Будда, темнолицый, улыбочивый и тяжелый, встал в стороне, прочно заняв кусок продымленного пространства. «Плевать, я сам по себе, я сам себе корифей».

Наконец появился Робыкин. Он шел в окружении приближенных и походил на стремительно летящий бильярдный шар – низенький, коротконогий, круглый, с какой стороны ни глянь, сверкающий бритой головой и улыбкой. Робыкин на ходу здоровался с корифеями, но мимо Чинкова прошел, не заметив. Они почти в одно время попали на Реку, оба горные инженеры. Робыкин выбрал себе администрацию, Чинков – поиски и разведку золота. Соперничество вначале было шутивным. Но позднее Чинков перебежал дорогу Робыкину, занял административный пост начальника экспедиции, куда вначале назначался Робыкин. Открыл россыпь и получил лауреата. Звезда Робыкина всходила с опозданием, но круто. Полгода назад он стал главным инженером центрального геологического управления «Северстроя», и ходил слух, что станет начальником.

Корифеи расселись в его кабинете и задымили, хотя Робыкин специальным приказом по управлению запретил курить в рабочих помещениях. Но корифеям он не мог ничего запретить, потому что от них зависела его сила и власть. Такова была одна из странностей «Северстроя» – никто из прославивших его людей, тех, кто открыли золотые россыпи Реки, основали Город, не назначался в высшее руководство. Возможно, в этом был повинен нрав корифеев, прямота применяемых ими методов, возможно, «Северстрой» требовал от руководителя специальных талантов и знаний. Корифеи правили на местах, в глубинных поселках. Но, объединившись, они могли свергнуть любого, как преторианская гвардия.

Чинков уселся в задних рядах. Вокруг были незнакомые лица. «Быстро меняются на Реке кадры», – подумал он. Но его-то заднескамеечники знали. Он чувствовал это по взглядам.

Робыкин звучным руководящим голосом (когда только успел научиться!) сказал про заботу государства о геологах и об их ответственности. Дежурная часть речи шла под шум разговоров, чирканье спичек.

– Черт вас возьми! – неожиданно изменил тон Робыкин. – Бодягин! Не лапай соседа, это тебе не коллекторша. Василий Феофаныч! Заткнись.

«Ай молодец, Котя, – подумал Чинков о Робыкине. – Неужели я мало его ценил? Это опасно...»

– За последние три года добыча золота на Реке резко упала, – сказал Робыкин. – Это всем вам известно. Новых месторождений не открыто, прирост золотых запасов незначителен. Если будет так продолжаться, полетит моя голова, но и вас всех ждет унылая почетная пенсия...

Корифеи разом притихли. А Робыкин заговорил о том, что знает каждый студент. Всякое месторождение имеет конечную тенденцию к истощению. Так угасли некоторые золотые месторождения страны.

– Давай про Реку, Котя! – рявкнул кто-то из корифеев. И снова мертвая тишина.

– С Рекой аналогичный случай, как говорят в анекдотах, – громко ответил Робыкин. – Многие, наверху и здесь, считают, что она уже кончилась. Снимали сливки в первые годы «Северного строительства». Ураганная добыча во время войны. Многие россыпи загублены некачественной промывкой. Нужны новые россыпи. Или нас просто выгонят и поставят более умных и полезных для государства.

– Не пугай, Котя! Всю жизнь пугали, – сказал тот же голос. – Пока мы живы, валюта для государства будет.

Робыкин взмахнул короткими руками, стал веселый, улыбочивый. «Вопрос: кого пугать? Ответ: самих же себя. Мы все связаны с Рекой намертво. И выход вы знаете сами: глубокая разведка, глубокие поиски. Все, что валяется сверху, мы взяли. Теперь надо идти дальше и глубже. Для этого нужны деньги. Очень большие. Есть план сократить все расходы, кроме расходов на золото. Например, Территория. Содержание управления на Территории стоит бешеных средств. Гоним туда корабли через половину земного шара. Мы добываем там олово. Мы ищем там олово. Так требовалось в годы войны. Сейчас олово не проблема. И мы туда картошку и лук везем самолетами. Зачем нам олово Территории?»

– На всякий случай, – сказал кто-то.

– На всякий случай нам нужно золото. Есть предложение прикрыть геологическое управление Поселка. Оставить там минимальный штат, пусть занимается съемкой... Когда мы докажем правительству, что капиталовложения в Реку оправданны, мы откроем его снова. Это называется концентрация средств.

Все оглядывались на Чинкова. Тот сидел, опустив голову, ряды сидящих сместились и образовали просвет. С одной стороны Робыкин, сверкающий бритым черепом, за поднятым на возвышении столом, с другой – Чинков со склоненной головой у стенки. Минута была настолько неловкая, что хрипатый и прямой, как нож, корифеевский голос сказал:

– В Поселке лишь одно из семи управлений. Прикрыть его можно. Но где остальные деньги? На Чинкова мне наплевать. Дай мне три миллиона, Робыкин, я тебе Клондайк принесу.

– В руководстве есть план, – сказал Робыкин, – и задача настоящего совещания...

Дальше Чинков не слушал. Ему вспомнился запах кедрового стланика. Дым забытых костров, палатки давних ночевок пришли к нему. «Нужны деньги, чтобы добыть деньги, нужны деньги, чтобы добыть деньги», – крутилась в голове глупая мысль. Давило сердце. Чинков украдкой отвинтил в кармане трубочку валидола, исподлбья оглядевшись, выбрал момент, сунул ее под язык. В «Северстрое» было принято щеголять валидолом, некоторые спирт им закусывали. Но Чинков скрывал недуги. Ему требовалось выглядеть вечным. Ах, товарищ Робыкин, мерзавец Котя. Выбрал момент для сведения счетов. Корифеи видят только одну цель.

Объявили перекур. Мамонты золотой промышленности снова чесали языки в коридоре. Громкие голоса – нависла опасность, и старые кони били копытами. Их удача была в прошлом, их звезда была в прошлом. Сейчас они были просто старыми ездовыми псами, которые тянули нарту валюты для государства.

Так думал Чинков. Он стоял теперь отдельно. Запах кедрового стланика и победная уверенность счастья. Угасание Реки. Они считают, что конец Чинкову, а он даже еще не начинал. «Пора, – сам себе сказал Чинков. – Пора. Настало время».

Он повернулся и пошел прочь по длинному коридору центрального управления. Спирной он чувствовал недоуменные взгляды. Даже чей-то сдержанный изумленный оклик. (Надо лезть в драку, отстаивать управление, а он уходит. Чинков-то сопляк, ребята!) Но Чинков не повернулся. Папочка кокетливо взята за уголок, легкая походка. Грациозный бегемот в дорогом темном костюме.

...В тот же вечер, нарушив все законы субординации «Северного строительства», Чинков самовольно покинул совещание и на первом подвернувшемся грузовом «Ли-2» вылетел обратно в Поселок. «Ли-2» шел пустым. Чинков в одиночестве сидел в темно-зеленых дюралевых недрах. Хлопала неприкрытая дверца хвостового отсека. Дверь в кабину пилотов тоже была открыта. Чинков видел затылки и спины пилотов, широкие от сидячей жизни. Северстроевские летчики знали, кого везут. Для них он был столп, знаменитость, для них он был в сонме богов и, значит, свой человек. Перехватывая металлические ребра фюзеляжа, Чинков прошел вперед, закрыл дверцу в кабину пилотов, аэродромным башмаком заклинил хвостовую дверь. Ему требовалось быть одному. Он сел на металлическое креслице и закрыл глаза. Куценко! Жизнь и здоровье Куценко интересовали его сейчас больше, чем свое собственное.

Моторы Ли-2 монотонно гудели «боум-боум-боум». Чинков, казалось, дремал. Глаза закрыты, лицо спокойное. На коленях черная папка и благонаравно сложенные руки с маленькими женственными кистями. Выдавало, что Чинков не спит, лишь некое движение пальцев, как будто перелистывавших листы неизвестного дела.

Чинков и в самом деле мысленно перелистывал, перебирал узкие листочки, исписанные собственным бисерным почерком – содержимое папки. На каждом таком листочке была мысль, или довод, или догадка, или соображение. Привычка записывать возникла у него в первые дни первооткрывательской славы. И началось все со странного факта: когда россыпь, открытая им, была оконтурена и разведана, Чинкова поразило, что контур и положение россыпи *полностью совпали с тем контуром, который был нарисован в его воображении два года назад*. Он узнал на итоговой карте зеленый мерцающий пласт, приходивший к нему во сне или просто при закрытых глазах.

Разведка россыпи стоила многие сотни тысяч рублей. Россыпь же, открытая чинковским воображением, была, так сказать, бесплатной. Если не считать напряжения чинковского мозга.

...Интуиция в те годы числилась среди идеалистических штучек. Но Чинкову было плевать на термины, его интересовала техника дела. В областной библиотеке он обнаружил, что в свое время в Город попала библиотека известного философа-идеалиста, эмигрировавшего в конце двадцатых годов. Там Чинков и открыл, что вопросами интуиции всерьез занимались серьезные люди: Лейбниц, математик Пуанкаре и так далее. Идеалистического тумана Чинков не боялся. Его интересовала интуиция как инженерный метод познания. Так возникла черная папка. Он записал:

«Интуиция. Служит равноправным с прочими методами познания природы. Фундаментом интуиции являются: 1. Личные способности человека к ней. 2. Первичный материал, груда фактов, которыми он располагает. 3. Сильное и длительное напряжение мозга.

Достоинства. Это прямой и безошибочный метод познания.

Недостатки. Проверить правильность интуитивной догадки можно лишь обычными методами.

Применение. В геологии нужны прежде всего люди с развитой и тренированной интуицией. В науке о россыпях все зыбко и все расплывчато. С помощью интуиции надо выбирать район поисков и их направление. Далее обычными методами».

Чинков знал, что замкнулся первый круг его жизни. В этом круге образцом для Чинкова служил человек, снятый с ним на фотографии. Он стал академиком в сорок и умер в сорок семь. Но жизненная задача была выполнена. Чинков верил, что академик обладал чрезвычайной интуицией. Он первый угадал золотой пояс Реки. Нынешние корифеи «Северстроя» при-

шли вместе с ним или следом за ним. Они выиграли жизнь, эти честолюбивые молодые люди. Пришли в нужное место и в нужное время. Их фамилии спрягаются в геологических монографиях всего мира, на них заведены досье в иностранных разведках, у себя в государстве они числятся под литерами особо ценных людей. Но их привел, дал направление рано умерший академик. Их прославила его интуиция. И он, а не кто другой, не оставил на Реке места Чинкову.

Рапорт о переводе еще не был написан, еще шли телеграммы с поздравлениями, но Чинков уже знал – Территория. Если есть ему место на земле «Северстроя», то это место на Территории. Так сказал Чинкову внутренний голос. Риск – безусловен. Но если не рисковать, то что делать дальше? Бросать «Северстрой»? Из «Северстроя» уходят лишь неудачники, те, кто слаб. Что в принципе одно и то же. Если ты неудачлив и слаб, ты – ничтожество в рядах «Северстроя». Если удачлив, но слаб, ты – все-таки личность. Если ты силен и удачлив, ты – личность вдвойне. Он, Чинков, и есть такая личность. Следовательно, он создан для «Северстроя».

Территория – страна олова. Заповедь «Северстроя» гласит, что олово и золото несовместимы в одной провинции. С оговоркой «почти». Но про оговорку забыли. Может быть, потому, что золото на Территории упорно искали. Два года назад, собирая в черную папку материалы по Территории, Чинков выдумал какую-то комиссию по проверке архивных фондов, сам стал ее председателем и прочел все, что можно прочесть, не вызывая расспросов. Получалось так:

Конспект

Первичные предпосылки. «Голова золотого тельца находится на Юконе. Туловище его находится в Азии». Эта формула возникла в последние годы XIX века среди золотоискателей Клондайка. «Подтверждением» формулы являлись сведения, полученные от скупщиков «оленьего короля» Карла Ломена. Скупщики утверждали, что хорошее россыпное золото встречается у Заячьего мыса. Были еще невероятные слухи, что туземцы стреляют медведей золотыми пулями и у некоторых из них видели мундштуки трубок, откованные из самородного золота. К 1900 году наметилось четкое движение проспекторов Клондайка в Азию.

Примечание Чинкова. Никто никогда не видел золота или изделия из золота, достоверно добытого на Территории.

Конспект

Экспедиция К. В. Богова. Для «сохранения русского суверенитета» над, возможно, золотоносными областями Азии была создана концессия, получившая преимущественные права на все полезные ископаемые Территории. В лето 1901 года была спешно организована экспедиция под руководством профессора Петербургского университета К. В. Богова, знавшего золотые прииски Лены и работавшего несколько лет на Камчатке. Субсидировали экспедицию английские банки. Она снаряжалась в Сан-Франциско, экспедиционным судном служила шхуна «Гавайи» под командой норвежца Хансена. Инженерный персонал составляли англичане, рабочими были китайцы, снаряжение американское по калифорнийскому образцу. Для охраны прав экспедиции был выделен военный бриг «Якут». Экспедиция пришла к берегам Территории в начале июля 1901 года. В первой же бухте

она столкнулась с судном владивостокского купца Бринера, который также искал золото по разрешению, выданному Иркутским горным управлением. Экспедиция закончилась в августе. Из-за конфликта с капитаном Хансеном, который потребовал захода в Ном для ремонта машины. В Номе Хансен сошел на берег и отказался вернуться на судно. Суд подтвердил расторжение контракта.

Конспект

Результаты. К. В. Богов составил геологическую карту узкой ленты побережья. Шлихи, промытые в устьях рек Территории, и также несколько шурфов, которые удалось пробить, показали повсеместное распространение золотых «знаков». Но ничего более. Конечный вывод К. В. Богова – отрицательный. «Именно из-за повсеместной зараженности золотом на Территории нет промышленных россыпей».

Примечание Чинкова. Главной ошибкой была плохая организация экспедиции. К. В. Богов не столько занимался работой, сколько выяснением отношений между английским персоналом и начальником экспедиции, между капитаном Хансеном (запойная форма алкоголизма) и начальником экспедиции. Он не сумел преодолеть разочарование персонала от того, что в первых же пробах не полезли самородки. Снаряжение, отобранное в Сан-Франциско, не годилось. Калифорнийские кирки непригодны для вечной мерзлоты, насосы с коническим клапаном непригодны для откачки воды из шурфов. В результате пробито было всего несколько шурфов. Как специалист по золоту К. В. Богов не мог не знать, что в устьях рек с их тихим течением вряд ли можно ожидать крупного золота. Экспедиции в верховьях не были организованы из-за неурядиц. Все предприятие окончилось крахом.

Сводка

Проспекторы. В течение последующих двадцати лет на Территорию ежегодно попадали группы американских и русских проспекторов. Об этом сообщает местное население. В районе Заячьего мыса найден ручной бур «эмпайр», который применяется для отбора проб в рыхлых грунтах. Достоверных сведений о результатах не имеется. По-видимому, «знаки» в шлихах неизменно встречались, иначе нечем объяснить упорство проспекторов, повторявших экспедиции из года в год, зачастую с риском для жизни. Но ни один старатель не нашел ничего, кроме «знаков». Как и предсказывал К. В. Богов.

Примечание Чинкова. Одиночка-старатель или даже группа их не могли организовать сколько-нибудь тяжелые работы. Из-за отсутствия транспорта они были прикованы к ленте побережья.

Сводка

Первая экспедиция «Союззолота». Первую экспедицию мощного треста «Союззолото» представлял Константин Сергеевич Дамер. Работа его рассчитывалась на три года, из них первые два должен был посвятить

составлению географической и геологической карты Запада Территории, третий год – прямым поискам золота. Базой служил домик Пугина на месте Поселка. В первую же зиму Дамер погиб в Кетунгском нагорье. Вероятно, от воспаления легких. Прибывший вслед за ним Д. И. Овцын закончил составление географической и геологической схемы. Поисками золота он не занимался. В геологических образцах, доставленных Овцыным с мыса Валькай, был обнаружен касситерит. Ни К. С. Дамер, ни Д. С. Овцын ничего не сообщали даже о «знаках».

Примечание Чинкова

Ошибки. Ошибки можно отнести лишь к руководству треста «Союззолото». К. С. Дамер и Д. И. Овцын являлись геологами академического плана, блестяще образованными и настойчивыми работниками. Но они не были поисковиками.

Конспект

Вторая экспедиция «Союззолота». Вторая экспедиция имела в своем распоряжении шхуну и состояла из четырех горных инженеров, знакомых с работой по золоту Лены, Алдана. К сожалению, ледовая обстановка была неблагоприятной, шхуна задержалась.

Чтобы наверстать время, все четверо взяли одиночные маршруты от мыса Бараний Камень к реке Китаю, где их должна была встретить шхуна. Повидимому, они не учли тяжесть маршрута по осенней тундре, не учли климат Территории. Все пропали без вести. Шхуна зимовала в устье Китама, но никто из экспедиции не пришел. Результаты экспедиции поэтому неизвестны.

Примечание Чинкова. После открытий месторождений Реки интерес к золоту Территории исчез. Ключом к ее освоению стал касситерит. Официальное мнение «Северстроя»: олово и золото в одной провинции несовместимы. Это считается неопровержимой истиной. Возможно, так оно и есть.

Запись Чинкова

Факты. В архиве мною найдено упоминание о бутылках с мелким пылевидным золотым песком, обнаруженных на касситеритовом прииске Территории. Спектральный анализ не позволяет его отнести к какому-либо месторождению Реки.

Заметка Чинкова

Катинский. «Три пробы с весовым золотом. Докладная записка. Соображение об идентичности золотонесущих гранитов Реки и Территории.

Главной ошибкой Катинского является отсутствие твердости. Он был *обязан любыми путями* пробить максимальное число горных выработок и доказать, что есть россыпь, а не случайный карман. Трех проб, чтобы получить деньги и рабочих, разумеется, недостаточно».

...Чинков один за другим мысленно перебирал листочки черной папки. Гул моторов давно уже стал еле различимым, стал фоном, к которому привык слух. Тонко дребезжала какая-то железка, самолет постукивал, вибрировал, жил. В закрытых глазах Чинкова мелькнула белая вспышка, и он неожиданно, без подготовки, как это часто бывало с ним, пришел к выводу, что *проблема золота Территории даже не в том, что его искали неправильно или мало, а в том, что не было лидера*. Нужен честолюбец, который будет идти до конца.

2

Начальник Восточной поисковой партии Владимир Монголов с четырех утра сидел в камеральной палатке. Работа над картой требовала сосредоточенности, а днем солнце так накаляло брезент, что думать было почти невозможно. Монголов гладил сухое бритое лицо и смотрел на карту. На ней разбегались обведенные тушью петли маршрутов, выполненных с начала сезона. Мелкие цифры номеров обнажений, красные точки шлиховых проб, черный квадрат на том месте, где били канавы, прямые черты шурфовочных линий поперек долины реки Эльгай. Все это было десятки раз взвешено, продумано, размещено так, как положено быть. И люди, и взрывчатка, и горные выработки. Прораб Салахов ушел в длинный шлиховой маршрут. Съемщик Баклаков сегодня вернется из очередной маршрутной петли. План по шурфам и канavam идет нормально – все катится и идет, как должно. Но все же Монголов чувствовал, что порядок неподвластен ему. Он же в свои пятьдесят три года привык к порядку, потому что жизнь Монгорова прошла под словами «приказ» и «необходимо». Он служил кадровым офицером, потому что его направили в армию, потом стал горняком, ибо так требовалось, стал оловянщиком, потому что стране позарез было нужно олово, пошел на фронт, когда началась война, и оставил войну по приказу, ибо в олове война нуждалась больше, чем в командире батареи. Он был специалистом по поискам касситерита – главной оловянной руды. Здесь, в самом дальнем углу «Северного строительства», имелся касситерит, он создал Поселок, на олове специализировалось их управление. Монголов считал, что и его личная жизнь связана с оловом. Но в этот сезон, с самого начала его, Монголов чувствовал смутную глухую тоску, как будто утром, идя на работу, встретил вдруг старого недруга, неприятного, точно озноб, человека, и этим напрочь испортил день.

Проект на поиски касситерита в долине реки Эльгай писал Монголов. Проект был логическим продолжением предыдущих сезонов, и Монголов мог бы, если бы это допускали рамки проекта, предсказать содержание и запасы. Но касситерита в долине реки Эльгай не оказалось. Вопреки всякой логике. Не было в кварцевых жилах, где били канавы, не имелось в шлиховых пробах по долине реки, не встречалось в шурфах. Вместо этого в шлихах лезли недоброй славы золотые «знаки».

Странная и печальная история золота Территории всегда угнетала Монгорова, когда он читал отчеты. Гнусный мираж, профанация, обман и самообман. Мираж – когда крошечные золотые пылинки, видимые лишь под лупой или микроскопом, вылазят в каждом лотке, но нет весового золота, нет настоящих проб. Истории, слухи, легенды, сказки, главы в бойких книжонках, написанных дилетантами, статьи там разные про романтику поисков и загадки природы. А Катинский? Прекрасный оловянщик, давний друг Миша Катинский. Три года назад он руководил партией на соседней речке Капай. Задачей партии было установление границ оловянной провинции. Тундровый черт подбросил ему в трех шурфах пробы с весовым золотом. Катинский срочно написал докладную о переориентации своей партии на золото. Где сейчас инженер и давний друг Миша Катинский? В Средней Азии! Сказал при отъезде, что подросли дети, требуют твердую руку отца.

Монголов в десятый раз провел по гладко выбритой щеке. Во всей партии брился только он, и только он считал необходимым ходить в стираном свитере, чищенных сапогах. Он взял тонко очиненный карандаш и чуть дрогнувшей рукой провел место очередной шурфовочной линии. Специфика геологии в том, что ты никогда заранее не можешь назвать результат, – может быть, он появится в последний день в последнем шурфе или последнем шлихе, промытом замотанным за сезон промывальщиком. Но нюхом старого поисковика Монголов чувствовал, что олова в этом году не будет. Неудачный, глупый и нехороший сезон. Наверное, пенсия подает сигнал, стучится в дверь дрожащей рукой. Жизненная наука заключается в том, что

никогда не надо сдаваться раньше конца. И никогда не надо спешить раньше начала. Зачем поспешил Миша, Михаил Аркадьевич Катинский? Может, ему тоже пенсия постучала? Или суетная жажда славы затмила ясность ума? Инженер должен исходить из реальности: Катинского уничтожили, насмешкой и властью убили боги. Те самые боги, что двадцать лет назад открыли знаменитый золотоносный пояс Реки. Тогда они были действительно боги.

Монголов снял с гвоздика у двери офицерский плащ. Под плащом прятался короткий винчестер. Монголов надел плащ, перекинул ремень винчестера через плечо и машинально хлопнул по карману. В кармане звякнули патроны. Монголов собрал со стола карты, положил их во выучный ящик, навесил замочек и ключ положил в карман. Символически, но так полагается. Он тщательно притворил фанерную дверь камеральной палатки. От дыма дальних пожаров воздух казался белесым.

Монголов пересек ручей, впадавший в реку у базы. О сапоги стукнулся хариус, метнулся, рябь пошла по воде. От устья ручья Монголов свернул в кустарник. Прямая его фигура плыла над кустарником, приклад винчестера торчал над узким аккуратным затылком. Он легко выбил дорогу, и шаг его был легкий, как у юноши на лесной тропинке.

Впереди долина, река как бы кончалась, упираясь в тупоносый горный утёг. Там река Эльгай раздваивалась, делилась: Правый Эльгай и Левый Эльгай – две равнозначные речки. Донесся глухой хлопок взрыва – шурфовщики работали. Вскоре Монголов увидел их: двое стояли у темного пятна грунта, на котором белел вороток, и смотрели куда-то за реку, в сопки. Потом уселись, все так же разглядывая дальние сопки. Над ними кружилось плотное, палкой бей, облако комаров.

Шурфовщик Кадорин, по кличке Седой, крупноголовый, чуть сутулый мужик со страшным шрамом, идущим от угла рта к уху, вежливо встал навстречу начальству, улыбнулся изуродованной улыбкой независимо и доброжелательно. Монголов поздоровался с ним за руку. Он уважал Седого. Гиголов, длинноволосый развинченный парень, прозванный из-за пристрастия к простокваше Кефир, дурашливо приподнял кепочку:

– Здравсьте, Владимир Михалыч, товарищ начальник.

– Где Малыш? – спросил Монголов.

– Пробы моет. С утра таскал, теперь моет, – ответил Седой.

– Точно! Топают двое, – провозгласил Кефир. Он снова уставился на дальний склон сопки. Седой промолчал. По остроте зрения невозможно было состязаться с Кефиром. Серые, вечно с придурью глаза его обладали дальноркостью хорошего морского бинокля.

– К базе идут, – дополнил Кефир. – Ид-дут к базе. А в рюкзаках у них спирт. Ха-ха! – Кефир юродствовал. – Начальник, выдашь по кружечке? Выпью и спляшу индийский танец под названием «Ганга». Есть такая река на берегу теплого синего океана. Средь храмов, пагод и идолов.

Он встал в позу восточной танцовщицы, вскинул руки. Одна ладонь сломлена вниз, вторая – вверх, и задергался развинченным телом. Развернутые носки драных сапог притоптывают по осоке, на немом лице покой и загадочное блаженство.

– Вырезок человечества, – кратко определил Седой.

Палило солнце. На желтой осоке, на сером грунте полярной земли валял дурака нечесанный человек в драной рубахе. Пахло сыростью, горьковатым запахом взрывчатки, дымом горящей тундры.

– Давай, Ганга, в шурф. Выкачивать будем. – Седой нацепил на крюк воротка бадью.

– В сырость и глубь земных недр! – Кефир поднял брезентовую куртку, шагнул к бадье.

– Оба толстые. Прут нахально прямо на базу, – сказал он в заключение, глянув на сопку.

– Яз-зви его в веру, надежду и душу, – пробормотал Седой. Машинально глянув на сопку, он чуть не выпустил ручку воротка. Голова Кефира, стоявшего в бадье, была уже на уровне

среза шурфа. Он терпеливо и бесстрастно взирал на Седого, как некий Христос, не возносящийся, а уходящий вглубь.

Монголов по следам рассыпанного при переноске грунта пошел к реке. Малыш в коротких и толстых резиновых сапогах стоял в воде и медленно качал лоток. Он не вздрогнул, не оглянулся на шум шагов. Вниз по течению от лотка уходила желтая муть. Даже сквозь верблюжий свитер было видно, как ходят мышцы на спине Малыша.

– Как дела? – спросил Монголов.

Малыш медленно разогнулся и повернулся к Монголову корпусом. Внешне промывальщик напоминал литую глыбу с мягкими кошачьими движениями. В Поселок он попал из цирка, где работал силовым акробатом. Бережно слив из лотка последнюю воду, Малыш бесшумно и даже изящно вышел из воды, вытер об узкое бедро ладонь и так же бережно пожал руку Монголова. Именно ровная вежливость, а не умение разнимать драки двумя движениями пальцев создали Малышу авторитет среди вольных людей, не боявшихся ни финки, ни лома, ни расправы многих с одним.

– Как? – повторил Монголов.

Вместо ответа Малыш кивнул на влажные мешочки с уже отмытыми пробами и подал Монголову большую шлиховую лупу в медной оправе.

– Ты продолжай, – сказал Монголов, наклоняясь за первым мешочком. Но Малыш остался стоять на месте, лишь беспокойно переступал с ноги на ногу. Монголов быстро просмотрел пробы. Мутные зернышки кварца, черная пыль магнетита и кое-где чуть заметно отсверкивали блески золотых «знаков». «Что я психую, – желчно думал Монголов, – такие «знаки» под Подольском намыть можно. А вот намой ты под Подольском касситерит».

В то же время он не переставал думать о тех двоих на склоне сопки. «Оба толстые. Прут нахально прямо на базу», – сказал Кефир. Рация у них с весны вышла из строя, война начнись – не узнают. Пастухи? Пастухи толстыми не бывают. Идут не таясь, идут со стороны, где работали канавщики, значит, не из «этих», не из случайных. Пожалуй, некому быть, кроме главного инженера их управления Чинкова, который по совместительству был и главным геологом. Кто-либо из начальства все равно должен посетить партию. Чинков как раз толст. Значит, идет Чинков и с ним сопровождающий с автоматом для соблюдения техники безопасности. Главного инженера Монголова знал плохо, потому что тот занимался золотом, а золото не интересовало Монголова. Золотарь, лауреат, человек с репутацией тяжелого танка с полным боекомплектom. Достаточно сведений о начальнике.

– Все отмытые пробы доставь сегодня на базу, – сказал Монголов. – К двенадцати ноль-ноль.

– Приказ начальника – закон для... – как-то неестественно улыбнулся Малыш.

– Кажется, главный инженер к нам идет.

– Порядок в танковых частях, – Малыш опять улыбнулся, на сей раз своей неизменной детской улыбкой, которая всегда выбивала Монголова из равновесия. За много лет он хорошо изучил экспедиционных рабочих. Он любил и уважал их, как, допустим, командир мог бы любить и уважать свой непутевый, но надежный в бою взвод. Кому как не Монголову, прожившему жесткую жизнь геолога и солдата, было знать, что за праведным ликом часто прячется квалифицированное дерьмо, за косоухой небритой личиной сидит бесстрашный умелец, за гордыней прячется самолюбие и желание быть в деле честнее и лучше других. И еще Монголов знал истину, без которой не может быть командира, – грань, где кончается попустительство и стоит слово «приказ». Знали эту грань и его работы. Но Малыш не подходил под каноны.

– Пойду встречать, – Монголов поддернул ремень винчестера и еще раз посмотрел на сопку. Если Чинков идет с той стороны, значит, он был на канавах и обстановка ему известна. Идти на канавы незачем.

– Владимир Михайлович! – окликнул его Малыш.

– Слушаю.

– Все нормалеус. Пробы будут как штык, – вдруг сникнув, сказал Малыш.

Монголов несколько мгновений молча смотрел на него.

У него опять заняло в желудке, под солнечным сплетением. Два года назад врач неопределенно находил то ли язву, то ли преддверие язвы. Отпуск кончался, а законы «Северстроя» строги. Боль была тупой и тягучей. Монголов даже скривил лицо. Мысли прыгали: приход Чинкова, глупые «знаки» золота и отсутствие касситерита. Вспомнив окрик Малыша, Монголов даже остановился. Что именно его насторожило? Нет, ничего. Что-то с нервами не в порядке. Наверное, от жары. Пора в отпуск. Монголов шел прямо, сжав губы, и даже несколько по-строевому печатал шаг, так сильно хотела его душа четкости и порядка.

Когда он дошел до палаток, Чинков был уже там. Монументально сидел на ящике из-под консервов, и было похоже, что всегда тут сидел и будет сидеть. Мешковатая брезентуха придавала Чинкову простецкий вид. Они поздоровались.

– Вы на канавы зашли?

– Да-да, – соболезнующе покивал головой Чинков. – Полностью пустые канавы, такая жалость. А что шлихи?

– Пока все пусто.

– В полном противоречии с проектом. А что все-таки они говорят?

– Слабые золотые знаки. И ничего больше.

– Знаки обязаны быть. Конечно же так, – пробормотал Чинков.

– Пойдемте посмотрим карты и пробы.

– Охотно! – Чинков встал, тонко и весело крикнул: – Алексеич!

– Тут! – с готовностью ответил голос из-за палатки. Только сейчас Монголов увидел второго. Точно в такой же брезентухе, как и Чинков, чуть поменьше в объеме, так же черноволос. Они походили друг на друга, как вынутые одна из другой матрешки.

– Сообрази чайку и уху, – сказал Чинков. – Знакомьтесь: Клим Алексеевич Куценко. Лучший промывальщик Реки.

– Чай и уху, – как эхо откликнулся Куценко. Монголов чуть не рассмеялся. Голос у Куценко был точно чинковским. Вся рота похожа на командира.

– И уху! – твердо сказал Чинков. – Ведите, Владимир Михайлович.

В камеральной палатке Чинков осторожно уместился на самодельном стуле и даже улыбнулся Монголову. «Смотрите-ка, даже стулья у вас. По-хозяйски устроились...» Монголов ничего не ответил. Зыбкое благодушное поведение Чинкова насторожило его. Уж очень все не вязалось с репутацией Будды. В палатке было сухо, жарко, темно. Солнце грело торцевую стенку, и мозаика комаров на потолке переползала лениво, менялась.

– Скажите, Владимир Михайлович, – тихо, даже как-то интимно, спросил Чинков. – Вы могли бы поверить в промышленное золото Территории?

– В промышленное золото здесь я не верю.

– А почему?

– Считаю, что несерьезно. Трепотня и пошлый ажиотаж. Игра в романтику, хуже того, честолюбие за счет государства.

– Золото всегда сопровождает пошлый ажиотаж, – наставительно произнес Чинков. – Вы, по-видимому, не любите золото, Владимир Михайлович?

– За что я должен его любить? Я не одалиска и не подпольный миллионер.

– Ну что вы! Вы, конечно, не одалиска.

«Что он ваньку валяет? Зачем?» – с внезапным раздражением подумал Монголов.

– Повсеместное распространение знаков и случайные пробы ничего не доказывают, – резко сказал он. – Хуже того, дают почву для спекуляций.

– Нырять, выныривает и снова ныряет, – загадочно пробормотал Чинков. Монголов видел лишь его склоненную голову с могучим покатым и гладким лбом.

– О чем вы? – спросил Монголов. Чинков молчал. За палаткой послышалось ворчанье Куценко, шаги.

– Пойдемте! – быстро сказал Чинков. Они вышли из палатки. Промывальщик Куценко шел по берегу с детским розовым сачком, каким ловят бабочек, и вглядывался в воду. Чинков возрился ему в спину, приглашающе помахал рукой. Из палатки рабочих появился... Кефир, почему-то в одном нижнем белье китайского производства. Осторожно покосившись на начальство, он устался в спину Куценко.

– Гиголов! Ты здесь зачем? – спросил, улыбаясь, Монголов.

– Живот болит. Пришел за аптечкой, – сокрушенно прошептал Кефир.

– Каменюку швырни! – неизвестно кому адресуясь, скомандовал Куценко.

Кефир сорвался с места, поднял тяжелый булыжник и замер.

– Пониже меня метров на десять. Бро-о-сь! – не оглядываясь, пропел Куценко.

Кефир охнул, швырнул камень. Взлетели желтые, просвеченные солнцем брызги. Куценко сделал неуловимое в быстроте и точности движение сачком, и в сачке заплясал крупный хариус. Чинков залился тонким счастливым смехом: «Не правда ли, цирк? Пятый год не могу привыкнуть».

– Сейчас еще выну, Илья Николаевич, – сказал Куценко и сердито добавил: – Ты больше-то не швыряй, дурило. В океан рыбу прогонишь.

Кефир восторженно выпрямился:

– Слышь, у ты глаза на затылке, што ли?

– Да-а-вай, да-а-вай! – лениво протянул Куценко. Было тихо. Пищали комары, светило солнце.

– В рюкзаке коньяк есть. Не откажетесь? – спросил Чинков. Лицо у него было безмятежным.

«А он ничего мужик, – неохотно заключил Монголов. – Вырвался в поле и рад, как пионер в походе».

Чинков с посапыванием копался в рюкзаке. У Монголова снова резко заныл живот, голова закружилась, и он подумал, уверовал вдруг, что в главном инженере сидит какая-то чертовщина, что он, Монголов, присутствует при непонятной игре. Дело вовсе не в том, что Чинкову взбрела блажь искать золото. С неясной тоской Монголов подумал еще, что песенка его подходит к концу, да-да, пенсия на пороге и освободи место другим. Даже на фронте, где люди весьма склонны к приметам и суевериям, Монголов меньше других был склонен к мистике. Но сейчас – накатило, и он даже выпрямился, даже одернул складки несуществующей гимнастерки под несуществующим ремнем и мысленно произнес приказ: «Отставить, Монголов! Спокойно! Все в полном порядке». Все это промелькнуло в его голове в тот краткий миг, пока главный извлекал из рюкзака завернутую в шапку бутылку коньяка «Армения». Будда достал бутылку, посмотрел на свет, оглянулся кругом, и тотчас, точно привлеченный этим магнитным взглядом, из-за откоса выполз Куценко с хариусами, оттягивающими мокрую сеть сачка. Следом, не сводя обожающих глаз со складок на затылке промывальщика, шлепал босыми ногами Кефир.

– Штаны не надо носить? – насмешливо спросил Чинков.

– Счас! – Кефир с деланым смущением устремился к палатке. Вышел оттуда в штанах, но с кружкой.

Чинков засмеялся сдавленным кудахтающим смешком, пальцем поманил к себе Кефира и пальцем же показал на бутылке отметку.

– Извини, бутылка всего одна.

Кефир жестом заверил его в своей глубокой алкогольной порядочности. С кружкой он отошел от палатки, сел на землю и тонко посвиристел. От обрывчика к нему тотчас запрыгал толстый желтый зверек – евражка Марина.

– Давай устроим, Марина, отдых трудящихся, – бурчал Кефир. – Сейчас я тебе сыру дам. Хошь плавленого, хошь голландского от империалистов.

Евражка Марина, северный суслик, тонко попискивала, стоя на задних лапках. Раскосые глазки преданно смотрели на Кефира.

– Кадры у вас... Владимир Михайлович, – растроганно сказал Чинков. – Я, знаете, люблю настоящий северстроевский кадр. Помню, у меня журавля держали, Степу. Отравился чем-то и умер. Такое горе было... «Не лезь, не мешай, начальник, нам Степу жалко. Ты и не знаешь, какой он был человек». Да!

Они снова прошли в камеральную. В полумраке ее коньяк, налитый в кружки, казался густым, как олифа. Чинков со слоновьей грацией сидел на стуле. Вошел Куценко, принес две открытые банки шпротов, пачку галет в алюминиевой миске. «Уха будет через пятнадцать минут», – сказал он и вышел. Было нестерпимо тихо. Западная стенка палатки нежно окрасилась розовым. От этого было грустно. Боль в желудке не отпускала Монголова. Он знал, что от коньяка ему будет хуже – придется пить соду и, пожалуй, не спать ночь. Но в «Северстрое» от выпивки отказывались только под предлогом болезни. Монголов считал, что если дела в партии идут неудачно, про болезнь говорить он не имеет права. «Не ко времени, ах, не ко времени», – думал Монголов.

– Не считаете ли вы нужным провести шурфовку сверху? Подсечь оба притока? – спросил Чинков.

«Вот оно что! Значит, все-таки просто идиотское золото, – зло подумал Монголов. – Вежливо. Но твердо. Твердо. Но вежливо. Пойду на обострение».

– Нет, – сказал он вслух. – Не считаю. У партии есть проект. Проект составлен на касситерит. Касситерит, как известно, легче золота. Если он есть в верховьях, он был бы и здесь. Линии вверху будут пустой тратой государственных денег.

Монголов ждал, что в соответствии с обычаями «Северстроя» последует: «А вы считайте, что это приказ». И он будет вынужден подчиниться. Но Чинков молчал. Он сидел все так же, наклонив голову, и вдруг мгновенно и остро, точно щелкнул фотоаппарат, глянул в глаза Монголову. Так, уколom зрачка в зрачок, оценивают людей бывалые уголовники. Монголов понял, что Чинков с легкостью читает его невысказанные мысли.

– Где ваши люди? – спросил Чинков.

– Съемщик должен сегодня вернуться. Шлиховая группа прораба Салахова вышла в многодневный маршрут. Кстати, он пройдет район Катинского, если вас это интересует. Я должен понять, где и, главное, почему выклинился касситерит. На западной границе планшета он есть. На самом планшете пока не обнаружено даже признаков. Восточнее – бассейн реки Ватап. О нем мы вообще ничего не знаем.

– Вы читали докладную Катинского?

– Конечно, читал. И дал дружеский совет выбросить.

– Почему?

– Ясно как... устав гарнизонной службы. Никто здешнего золота не видел в глаза. Если бы это был любой другой минерал, о нем бы просто забыли. Но золото обладает... свойством. Теряют голову даже опытные инженеры, как Михаил Аркадьевич Катинский. Мы с ним поссорились из-за докладной записки. Мальчишество. Здешние знаки можно намыть в Белоруссии, на Кавказе, даже в Подмоскoвье, – Монголов вдруг почувствовал себя усталым и старым из-за того, что вынужден был говорить очевидные вещи. – Я говорю очевидные вещи, – сказал он. – Ваш коньяк, моя база. Первый тост?

– Вы переписываетесь с Катинским?

– Редко. Новогодние поздравления.

– Может быть, он вернется?

– Думаю, нет. Недавно он защитил диссертацию по полиметаллам. Твердое положение. Его сильно обидели в Городе. Он не вернется.

– Возвращаются неудачники, – рассмеялся Чинков. – Не так ли? Поэтому выпьем за тех, кому нет нужды возвращаться.

Они выпили.

– Просто должны быть причины для возвращения, – переждав коньячный ожог в желудке, сказал Монголов. – У Катинского нет причин.

– Я рад, что вы отправили шлиховую группу за пределы Эльгая. Рад, что, несмотря ни на что, они пройдут район Катинского.

– Я просто веду нормальные поиски касситерита.

– В этой связи не хотите ли вы шагнуть за реку Ватап? Для обследования гранитных массивов. Допустим, дней на двадцать отправить в рекогносцировку вашего Баклакова.

– Все дело в реке Ватап. Потребуется на неделю снять людей с шурфовки, чтобы организовать переправу. И кого-то отправить с ним. Между тем жара. Мерзлота вот-вот поплывет. Людей с шурфовки снимать нельзя. Боюсь, что без лодок переправа вообще невозможна.

– И все-таки... – Чинков снова налил коньяк в кружки. Дверь палатки открылась, и вошел Куценко с кастрюлей ухи. Он поставил уху на стол, быстро принес миски, галеты.

– В такой маршрут должна идти группа или очень опытный тундровик. Карта нагорья приближительна. Шальное лето. Все можно ждать. Паводки, ливни, снег. Со дня на день.

– А что вообще Баклаков?

– Нормальный молодой специалист. Работает у меня второй год. Звезд с неба не снимает. Старателен.

– Он, кажется, мастер спорта? – сонно спросил Чинков. Монголов понял, что Чинков изучил анкеты.

– Спорт есть спорт. Работа есть работа. Это разные вещи.

– Честолюбив?

– Как всякий молодой специалист. Пожалуй, чуть больше, – Монголов невесело усмехнулся. – Медведь тут на базу пришел. Он на него с ножиком бросился. Для проверки душевных сил.

– И что же?

– Медведь убежал. Оказался умнее.

...Ночью Монголов не спал. Смутное недовольство снова вернулось к нему. Беседа с Чинковым оказалась странной, уклончивой и непонятной. Монголов не стыдился прожитой жизни. Он не прятался за спины других на фронте. Выбрал профессию, тяжелее которой не так уж много профессий. Работал в местах, хуже которых разве что полярные острова. Он открыл две оловоносных россыпи и тем оправдал свою жизнь на земле. У него прошло немало неудачных, пустых сезонов, но чувства ошибки не было, так как новый сезон тянул за собой другой, как линии геологических границ тянулись за пределы планшета, отведенного на данное лето. Монголов, это Чинков угадал, всегда неприязненно думал о золоте. О золоте – самородном металле, приобретшем властную силу над миром. Его счастье, что он сухопарый. Геологи, склонные к ожирению, изнашиваются к сорока годам. Они не могут ходить в поле. В их медицинских карточках сложной латынью записано «сердечник». Он может ходить. Пока стоишь в строю... Взять бы разведку на оловянном прииске. Касситерит, насквозь знакомый и близкий ему минерал. Золото! Черт бы его побрал!

Монголов услышал шаги. Кто-то вышел из камеральной палатки. Зашуршал спальный мешок, и по тяжелому дыханию Монголов понял, что это Чинков. Решил, видимо, спать на улице. Будда уже не ходит в поле.

Чинков, забравшись в кукуль, спальный мешок из оленьего меха, смотрел на светлое небо, прохладный шар солнца, уже готовившийся к подъему от темных валунов сопки. Комары поодиночке с коротким посадочным писком атаковали лицо. Шумела река, и, как всегда по ночам, слышался стук перекачиваемых водой камней. Не хватало лишь шума тайги. Там, где Чинков ходил в прославившие его маршруты, всегда была лиственничная тайга.

Чинков с трудом выбрался из тесного кукуля и раздул еще тлевший костер. Под мешком у Чинкова лежал полушубок, он вытащил его и надел прямо на тело.

Монголов из палатки видел неподвижную фигуру у бледного света костра. Он знал, что Чинков не заметит его, и долго смотрел на освещенное восходом чугунное лицо главного инженера. Пожалуй, сейчас Монголов понял, за что Чинков получил прозвище Будда. Но он не знал, что Будда в сей миг чувствует себя полным сил, честолюбия и веры в успех молодым человеком и что громоздкое, расплывшееся за последние годы тело не мешает ему, что он глубоко и ровно вдыхает дым костра, горький запах горящей на западе тундры, запах сырости и слегка плесени – сложный и тонкий аромат Территории.

Пригревшись под полушубком, Чинков задремал. Он очнулся, когда послышались шаги, и в следующий миг увидел у костра согнувшегося под рюкзаком парня. Парень в упор рассматривал Чинкова. У того мелькнула сонная еще мысль, видение, что это он сам и есть, что время вдруг вернулось и у костра стоит горный инженер Чинков. Видение исчезло. Перед костром стоял усталый парень, с лицом, опухшим от комаров.

– Вы Баклаков?

– Да.

– Садитесь, – Чинков окончательно стряхнул сон. Теперь уже он в упор разглядывал Баклакова, скинувшего рюкзак. Лицо у Баклакова было некрасивое, нос уточкой, лицо деревенского протяги-парня.

– Устали?

– Нормально, – с недоумением сказал Баклаков. Вопрос по экспедиционной этике был неприличным.

– Что-либо интересное?

– Нормально, – повторил Баклаков. Как всегда после комариного дня, его слегка лихорадило. Он хотел чая, хотел спать и сильно робел. За весну он успел наслышаться всяких историй о новом главном инженере. Знаменитость!

– Что бы вы думали об одиночном маршруте дней на пятнадцать-двадцать?

– Можно сделать, – сказал Баклаков и снова не удержался. – Нормально.

– Нормально его выполнить невозможно. Маршрут по гранитным массивам, с большим количеством образцов для анализа. К реке Ватап, через нее и далее в Кетунгское нагорье. Пятьсот-шестьсот километров. Ориентировочно.

– Сделаю, – сказал Баклаков.

– Вы действительно уверены в себе?

– Уверен в себе. Нормально.

– Как вы думаете переправляться через Ватап?

– Не знаю. Надо посмотреть на реку, потом принимать решение.

– Кстати, что значит в переводе «Ватап»?

– Серая вода, – сказал Баклаков.

– Мне сказали, что у вас нет дисциплины. Медведи, какие-то глупые ножики.

– Это я так... – Баклаков покраснел.

– Да-да, – покивал головой Чинков. – Судя по всему, этот дальний маршрут то, что вам надо. Не так ли?

– Если прикажут.

– Идите спать. Мы с товарищем Монголовым примем решение.

– Слушаюсь, – сказал Баклаков. За два северстроевских года он привык, что с начальством не разговаривают, а отвечают на вопросы.

Баклаков отнес рюкзак в палатку, бросил на улице спальный мешок и, не раздеваясь, лег на него, закутал голову бязевым полотнищем палатки. В глазах поплыла серая вода, катилось течение, и он заснул.

...Проснулся он оттого, что кто-то тянул его за сапог. Баклаков выпутал голову и увидел сидящего на корточках Куценко.

– Илья Николаевич требует, – прошептал Куценко. Из палатки вышел Монголов.

Чинков, похоже, так и не ложился спать.

– Владимир Михайлович! – окликнул он Монголова. Монголов, снимавший свитер перед тем, как идти к реке умываться, повернулся. – Я согласен с вашим решением отправить Баклакова в многодневную рекогносцировку, – громко и весело сказал Чинков.

Монголов ничего не ответил. Взял полотенце, зубную щетку, пошел к реке. Так же молча прошел обратно, мокрые волосы приглажены, вид свежий и аккуратный. Чинков, в овчинном своем полушубке, сидел у костра как татарский хан. Рядом переминался Баклаков.

– Сергей! Принеси карту Дамера. Выючный ящик, четвертая папка, – приказал Монголов.

– Я не понимаю, зачем этот цирк? – сухо спросил Монголов, когда Баклаков ушел.

– Боялся, что вы будете возражать. Решил поставить вас перед фактом. Не будете же вы ронять авторитет руководства перед юным специалистом. – Чинков весело улыбался. Белые зубы, глаза – щелочки. Татарин!

– Вы могли просто приказать.

– Тогда бы я взял на себя ответственность. А мне сейчас не нужны ЧП. Управлению не нужны ЧП, связанные с моей фамилией.

– Бойтесь?

– Бог с вами, Владимир Михайлович. Оглянитесь. Вокруг вас «Северстрой». А я Чинков. Таких, как я, здесь не судят.

– Я знаю.

– Я не вурдалак. Мне ни к чему бессмысленный риск. Особенно, если рискуют люди, нужные мне.

– Зачем вам этот маршрут?

Чинков вовсе прикрыл глаза и с легким посапыванием стал шарить в карманах брюк. Вытащил легкий пакетик. На желтой бумаге крафт тускло светился золотой песок, Чинков пошевелил его пальцем.

– Смотрите, какая неравномерность, – ласково сказал он. – От мелких и средних зерен до пылевидного.

– Откуда?

– Намыл в верховьях вашей реки. У Куценко, знаете, редкий нюх. Редчайший. Обе пробы взял на сланцевой щетке.

– Он не взял на тех щетках касситерит?

– К сожалению. Я просматривал все шлихи до доводки. Такое ощущение, что в ваших шурфах должно быть весовое золото, Владимир Михайлович. На речке Канай его обнаружил в двух пробах Катинский. В верховьях – я.

– У меня хорошие промывальщики. Но проверять – ваше право.

– Зачем? – удивился Чинков. – Если я проверяю, то лишь себя.

– У меня хорошие промывальщики, – раздраженно повторил Монголов и пошел в палатку.

Баклаков вернулся с картой Дамера. У костра снова сидел лишь один Чинков.

– Почему, Баклаков, вы не спросите меня, зачем я вас посылаю в Кетунг? – не поднимая глаз, спросил Чинков.

– В «Северстрое» спрашивать начальство не принято, – тихо сказал Баклаков.

– Если вы в таком возрасте будете ориентироваться на «принято» и «не принято», вы уже неудачник. Меня интересует, существуют ли массивы, нарисованные на карте, которую вы держите? Что они собой представляют? Образцы. Предварительное описание. Может быть, в них есть рудные жилы.

– Понятно, – сказал Баклаков.

– Это не все. В нашей власти направить сюда тысячи рабочих, колонны тракторов. Государство направит сюда караваны судов, флотилии самолетов, Госбанк выделит миллионы, если мы найдем совпадение условий. Поняли?

– Так точно.

– Вы прапорщик, что ли?

– Нет.

– Тогда почему это «так точно»?

– Не знаю. Вырвалось.

– Дайте карту. Что-то вы, Баклаков, не очень мне нравитесь. Угодливы вы, что ли? Непохоже! Тогда какого черта вы боитесь меня?

3

Прораб Салахов с рабочим день за днем приближался к старой базе Катинского. С большими металлическими лотками, лопатами на коротких ручках, привьюченными поверх рюкзаков, они походили на старателей, вольных искателей форта. У рабочего, остроносого застенчивого мужичка, была громкая и неудобная для произношения кличка – Бог Огня. Получил он ее за невероятное умение разжигать костры в любое время и в любой обстановке.

В узких долинах зеленела осока, тонко пищали неизвестные птицы, грохотали осыпи, сдвинутые бегом снежных баранов.

Через каждые три километра Салахов и Бог Огня брали пробу: с косы, со сланцевой щетки, с борта долины. Бог Огня долго качал лоток, разбивал скребком комья, выкидывал крупные камни и бережно доводил до кондиции перед тем, как слить его в полотняный мешочек. Когда он доводил шлих, то улыбался почти счастливо, хотя трудно представить себе счастливым человека с распухшими от ледяной воды кистями, с согбенной над лотком спиной и гарантированным на остаток дней ревматизмом. Слив шлих, Бог Огня в мгновение ока находил карандашные прутики топлива, ложился спиной к ветру и откуда-то из живота у него сразу начинал валить дым. Бог Огня откатывался в сторону – и уже было бледное пламя крохотного костра, а у пламени примостились две консервные банки для чая, и в них закипала вода. Подходил Салахов. Бог Огня подкидывал новые прутики, молча грел покрасневшие руки, затем мелкими частыми глотками выпивал свою кружку и шел мыть новую пробу. Или, если не требовалась его помощь, застывал у гаснущего костра, уставившись на угли.

Ночевали они в двухместной палатке, тесно прижавшись друг к другу. В палатке было тепло от дыхания. Разговаривали очень мало.

К Салахову во сне, в отличие от ясного настроения дня, приходило низкое полярное небо. Когда же ему во сне являлись сделанные в жизни ошибки, он просыпался и долго смотрел на палаточный потолок. Если ошибки не уходили, он перелезал через бесчувственное тело Бога Огня к выходу. Разжигал костер из заготовленных на утро веточек и долго сидел – одинокий человек в светлой тишине, окутавшей Заполярье. Среди молчания, нарушаемого лишь стуком перекачиваемых ручьем голышей, Салахов думал о жизни.

Жизнь Салахова, по кличке Сашка Цыган, делилась на три этапа. В первом этапе была жизнь в Прикубанье: школа, армия, служба в десантных войсках. После армии он вернулся домой и женился. Устроился шофером на консервный завод. Валентина, его жена, хотела, чтобы все в доме вызывало зависть соседей и еще, чтобы имелся достаток тайный, неизвестный соседям. Из-за этого сержант-десантник Салахов связался с «левым» товаром, вывозимым с завода. Получил восемь лет.

Он оказался среди профессиональных уголовников. Его несколько раз били смертным боем, потому что он отказывался признавать установленные ими порядки – выполнять норму за какого-нибудь блатнягу, отдавать пайку. Салахов яростно защищался до тех пор, пока его не сбивали подлым ударом. Один раз он даже плакал злой и скупой слезой в бараке, потому что в этот, в последний раз его, уже полумертвого, били всерьез. Он представлял себе, как будет сохнуть и медленно умирать. Все из-за жадности Валентины.

Но на сухом жилистом теле Салахова заживало, как на собаке. Обошлось и на этот раз. Уголовники от него отступились. Два последних года он ходил рабочим в полевые геологические партии. Там приобрел специальность промывальщика и после освобождения устроился в геологическое управление. Шоферы в Поселке зарабатывали дурные деньги, но Салахов суеверно считал, что баранка не принесет ему счастья.

Так начался третий этап его жизни. Зимой он жил в общежитии, которое в Поселке именовалось «барак-на-косе». Там зимовали все неженатые итээр управления, все инженеры, тех-

ники и прорабы. Салахов странным образом почувствовал себя легко и свободно среди веселых ребят. Никто и словом не поминал ему прошлую жизнь. Для всех он был ровней, столь же добродетелен, как и другие, не больше, но и не меньше. Салахов быстро понял, что для парней, населявших семидесяткоечный барак, с сугробами по углам, главным в жизни были не деньги, не жизненные удобства, даже не самолюбие. Они весело и твердо подчинялись неписаному своду законов. Твоя ценность по тем законам определялась, во-первых, умением жить в коллективе, шутить и сносить бесцеремонные шутки. Еще главнее было твое умение работать, твоя ежечасная готовность к работе. И еще главнее была твоя преданность вере в то, что *это и есть единственно правильная жизнь* на земле. Будь предан и не дешеви. Дешевку, приспособленчество в бараке *безошибочно* чувствовали.

Салахов истово принял неписанный кодекс. Ошибиться второй раз он не мог. Жизнь как затяжной парашютный прыжок. В затяжном парашютном прыжке двух ошибок подряд не бывает. Если ж случилось, то ты уже мертвый. Ты еще жив, еще работает дрожащее от ужаса сердце, но ты уже мертвый.

... Чем ближе они подходили к старой базе Катинского на речке Канай, тем меньше Салахов спал. Он работал у Катинского два сезона, именно Катинский сделал его промывальщиком. И сейчас Салахов думал о том, не сдешевил ли он дважды? Если так, то он уже мертвый, нет исправления, и за любым углом ждет судьба. Катинский ничего об этом не знал. Если бы он был здесь, Салахову было бы легче.

Когда они пришли на старую базу, Салахов долго ходил, пинал поржавевшие консервные банки и невесело улыбался, думая о людской и своей, в частности, глупости. Большой ли ум, высшее ли образование требовалось, чтобы предвидеть: дружки, с которыми он пил и целовался после удачной кражи с завода, продадут его, еще даже не дойдя до кабинета следователя. И Валентина больше боялась конфискации имущества, чем мужнина осуждения. Через год выскочила замуж. Салахов травил рану, вызывал злобу и ненависть. Сволочи, курилки проклятые, ничего в жизни не знают, кроме ковров, телевизоров, сберкнижки. Ничего, кроме импортного тряпья, знать не хотят. На дефиците мозги свихнули. Ненавижу! Салахов скалил зубы и однажды сам больно, с наслаждением пнул собственную ногу. Знали бы ребята в бараке! Морда каторжная. Уголовник!

Шлихи здесь он мыл сам. Но в лотках ничего не было. Даже золотых «знаков». Салахов самолично копал пробы с борта, с тундры, с русла, самолично лез в воду с лотком, напрасно глядявываясь в мутный остаток.

Бог Огня заикнулся на третий день: «Чего на заржавевшем месте стоять?» Салахов зыркнул на него выкаченным цыганским глазом и внятно сказал: «Сколько надо, столько будем».

4

Крупный горный заяц ошалело выскочил из-за камня, метнулся вверх и замер на фоне бледного неба. Заяц казался почти голубым. Было видно, как ветер шевелит шерсть на спине и как вздрагивают заячьи уши. Сергей Баклаков тихо, беззлобно выругался: «Ах, клизма без механизма». Сейчас, на вторые сутки, он жалел, что не взял винтовку. Взял пистолет, оружие идиотов, но и тот с ремнем, кобурой и пачкой коротких патронов валялся на дне рюкзака. Баклаков нагнулся и прямо от земли закрутил в зайца камень. Тот сделал некое движение ушами и сгинул, растаял в вечернем воздухе.

Баклаков вышел на перевал. Впереди массив круто обрывался, внизу лежала желтая тундра с бликами озер. Совсем далеко на горизонте тянулась черная полоса, прорезанная кое-где водными отсверками. Это и была легендарная река Ватап на подступах к дикому нагорью Кетунг. Баклаков оглянулся. Река Эльгай, где стояла их база, исчезла среди путаницы черных и фиолетовых сопок.

Монголов приказал взять спальный мешок, пистолет, три банки сгущенки в качестве НЗ. Баклаков сказал «слушаюсь», пистолет взял, спальный мешок засунул под койку, чтобы он не лез на глаза Монголову. Сгущенку он терпеть не мог, поэтому выкинул и ее. Быстрота и натиск – вот ключ к решению маршрута. С грузом скорости не достигнешь. Впрочем, викинги ходили в набеги при полном грузе с оружием, в тяжелых морских сапогах и бегом. Черт с ними, с викингами. Их дело наскочить, грабануть и удрать. Его дело – выполнить задание Чинкова.

Баклаков выбрал затишек между камнями, скинул рюкзак и быстро разжег на камушке таблетки сухого спирта. Вместо котелка он носил консервную банку из-под консервированных персиков. Лужа воды была рядом. Пока чай закипал, Баклаков вынул из сумки маршрутную карту. Карта была старой, но верной. Тут что не знали северстроевские топографы, то не наносили, в чем сомневались – наносили пунктиром.

Облака разошлись. Тундра засияла желтым. Как в мультфильме, выступила синяя гряда Кетунгского нагорья. Над дальним синим туманом отрешенно и чисто сверкал ледовый конус горы, на которой никто не бывал. «Ах, боже мой, боже мой!» – от избытка счастья вздохнул Баклаков.

Он сидел, привалившись спиной к камню: кудлатая голова, насаженная на длиннорукое, длинноногое тело, грубо сделанное лицо выходца из вятских лесов и экономная поза, которая вырабатывается от жизни без стульев, в непрерывном движении.

Вечерело. Баклаков чувствовал это по особой тишине вокруг, по неуловимой смене освещения. Из внутреннего кармана он вытащил мешочек с махоркой и обгорелую с обломанным краем трубочку. Закурил, окутался сладковатым махорочным дымом. Вокруг него уже создался тот особый уют, который везде сопровождает бродячего человека. Он покуривал, вытянув ноги в драных брезентовых штанах, расстегнув телогрейку. Заросшее библейским волосом лицо Баклакова было умиротворенным и безмятежным. Сердце ровно отстукивало свои шестьдесят ударов в минуту, кровь, не отравленная еще никотином, алкоголем и болезнями, так же ровно и мощно бежала по жилам. Прекрасна страна из желтой тундры, темных гор и блеклого неба. Прекрасно одиночество рекогносцировщика среди неизученных гор и долин. Прекрасно, что ты никогда не умрешь.

В том, что он бессмертен, Баклаков ни на минуту не сомневался. Кроме того, он знал, что за спиной его всегда стоит старичок-лесовик, болотный бог, который ворожит ему в нужный момент. Сейчас Баклаков был доволен и весел, потому что находился один на один с собой, а значит, являлся именно тем, что он есть.

Восемнадцатилетним недотепой, карикатурным Ломоносовым в пиджаке х/б и кирзовых сапогах он попал с глухого лесного разъезда прямо в Московский геологоразведочный. Потом-

ственная хитрость вятских плотников помогла ему выбрать линию поведения. Про золотую медаль Баклаков не упоминал, первый же смеялся над своими ботинками, первый садился чистить картошку в общаге и не лез вперед на собраниях. Простяга парень, козел отпущения для курса – это он, Баклаков. «Почему в геологоразведочный? А разве с моей рожей в МАИ примут? Зачем в лыжную секцию записался? Дак мы привыкли на лыжах бегать. Ноги тоскуют». Где-то к третьему курсу все убедились в невероятной везучести Баклакова. Получает повышенную стипендию – профессуре нравятся деревенские и основательные. По старинке думают, что геолог – это помесь выючного животного с человеком. Выполнил норму мастера по лыжным гонкам? Ребята сказали, что он один угадал мазь на первенстве Москвы, когда никто ее не мог угадать. Блаженным везет. Мало кто задумался к шестому курсу, что недотепа Сергей Баклаков взял от института много больше любого из них. Курс наук назубок, диплом с отличием, железное здоровье, отточенное шестью годами лыжных гонок, и распределение в никому не ведомый «Северстрой», где белые пятна на карте и неограниченные возможности для карьеры, работы и прочего. Спихватились, но поздно.

И уж никто не догадался, что Баклаков пришел в институт с яростным честолюбием, верой: вятская фамилия Баклаков еще будет на карте Союза. Так шептал забытый и сморщенный болотный бог. И он же говорил Баклакову, что задание Чинкова и есть начало настоящей работы. Первое – скромно, без шума доказать, что ты *можешь все*.

Баклаков быстро собрал рюкзак. Что-то изменилось вокруг. Слева, над верховьями реки Ватап, повисла огромная, совершенно черная туча. Стало чересчур тихо. Гул комаров изменился. Тональность стала другая. Надо скорее дойти до реки. Хуже нет как гадать, что предстоит. Действовать, а не размышлять – вот лозунг мужчины.

Уже внизу, врезавшись в кочки, Баклаков запел дурным голосом «о-о, если б навеки так бы-ыло».

К ночи, окончательно умотавшись, он отошел от массива километров на семь. Вершина массива грозно горела красным. Он долго ходил по ложбине и подбирал сухие прутики, веточки полярной березки. Затем распаковал рюкзак и достал палатку. «Клизма без механизма», – умиротворенно сказал Баклаков. Он давно уже привык разговаривать сам с собой. Еще в институтской общаге. Наскоро выпив чай, он притушил костерок, приподнял стенку палатки, засунул туда рюкзак, телогрейку, сапоги и влез сам, опустив за собой стенку. Сидеть в палатке было нельзя, и Баклаков лежа снял сапоги, надел сухие шерстяные носки, колени обмотал портянками, телогрейку застегнул на себе, оставив рукава свободными. Если даже ночь будет холодной, так он не замерзнет. В палатке было светло, и закатное солнце освещало все внутри угрюмым красным светом. Комары безучастно сидели на потолке палатки. Снаружи что-то происходило, и Баклаков не мог понять что. Но было тревожно. В отдалении сипло тьякнул песок. С шумом пролетела какая-то птица. Баклаков высунул из-под телогрейки руку и, криво усмехнувшись, расстегнул кобуру пистолета. «Спи, – сказал он себе. – Действовать, а не размышлять, такова истина. Чем больше думаешь, тем страшнее».

Прошел порыв ветра, бязь на потолке захлопала, вспыхнули, погасли в глазах искорки. Он уже смотрел сон, как идет в маршрут в какой-то южной стране. Идет в плавках, и в руках авоська с образцами. Он шел по берегу очень широкой черной реки и искал переправу. Он твердо знал, что отныне жизнь его делится на две половины: та, что до переправы, и та, что будет после. Вроде как школьная река Рубикон у школьного Цезаря. «Какого же черта, – сказал Баклаков. – Река не черная, а серая. Это другая река». Он проснулся.

Он никак не мог сообразить, сколько времени. Перед глазами было серо. Потом он увидел, что полотнище палатки провисло почти до лица, и понял, что проснулся от холода. Баклаков высунул голову и увидел, что тундра вокруг засыпана синим снегом. Сбылось предсказание! С неба что-то сыпало, не то дождик, не то мелкая снежная крупка. С ощущением беды Баклаков быстро оделся и выполз из палатки.

...Когда он вышел к реке, снег перестал, и над Кетунгским нагорьем прорезалась холодная зеленая полоска. Река впереди шумела глухо и грозно, но Баклаков не видел ее. Перед ним стояла стена мокрого кустарника с зябко повисшими листьями. Снега навалило сантиметров десять. Он разжег костер и выпил полную банку очень крепкого чая, затем вторую. Закурил и сказал сам себе: «Вот и снова жизнь прекрасна и удивительна».

Баклаков прошел вдоль кустарника вниз по реке. Вышел на небольшую тундровую прогалину. Прямо от нее начинался длинный косой пережат. Кое-где на пережате торчали черные блестящие камни. Вода была равнодушной. Рядом с заснеженным берегом она казалась черной. Чуть ниже берег переходил в торфяной обрыв. Обрыв был подмыт, и в темную пасть его вода устремлялась с сытым утробным бульканьем. Противоположный конец пережата пропадал в серой мгле над серой водой. Плавать Баклаков почти не умел. Он скрыл это от Монголова и Чинкова.

– Ну и вот, а ты боялся! – громко сказал Баклаков, чтобы подбодрить себя. Но почему-то голос прозвучал глухо, и настороженная река не приняла его.

– А вот я сейчас! – упрямо выкрикнул Баклаков. Он быстро стал раздеваться. Надо действовать, а не размышлять. Штаны и сапоги сунул под клапан рюкзака, коробку спичек положил под вязаную лыжную шапочку, дневник плотно замотал в тряпки, так он не отсыреет, если даже попадет в воду. Телогрейку снимать не стал.

Вода охватила щиколотки, точно шнуровка горнолыжных ботинок. Галька на дне была очень скользкой, но скоро Баклаков перестал ее ощущать. Ноги онемели от холода, и он шел как на протезах, деревянными ступнями нащупывал камни и выбоины. Вода поднялась до колен, потом до бедер. «Сшибет», – отрешенно подумал Баклаков. Зеленая полоска над Кетунгским нагорьем расширилась, и сверху как назидательный перст простирался одинокий солнечный луч. Наклонясь против течения, Баклаков брел и брел через этот нескончаемый пережат, колени и ноги уже не ломило, просто они казались обмотанными липкой знобящей ватой. Когда вода опустилась к коленям, он побежал, высоко вскидывая ноги, выскочил на узкую полоску песка за пережато и без остановки вломился в кустарник. Весь облепленный узкими ивовыми листьями, вырвался на небольшую, с пятнами снега поляну. На полянке сидел заяц и смотрел на него. «Привет, братишка», – на бегу сказал Баклаков. Заяц даже в сторону не отскочил, только сделал следом несколько прыжков, любопытствующий, непуганый житель реки Ватап. Баклаков проломился через кустарник и остановился ошеломленный. Могучий речной поток в всплесках водоворотов катился перед ним. Вода мчалась и в то же время казалась неподвижной, застывшей в какой-то минувший давно момент. Она тускло сверкала. На миг Баклаков почувствовал себя потерянным. Среди сотен безлюдных километров. Тундровых холмов. Речных островов. Темных сопков. Под низким небом. Один!

...Ночью пошел сильный снег. Он падал крупными влажными хлопьями, и потолок палатки провисал все больше и больше. Земля была мокрая, и Баклакова сильно знобило. Если бы он взял спальник мешок, он мог бы залезть в него и спать несколько суток, не расходуя продуктов. Если бы он взял винтовку, можно было сидеть у костра и жарить оленину или тех же зайцев.

Полотнище палатки оседало все ниже и ниже, и вдруг его осенило: мокрая бязь не будет пропускать воздух. Если бы даже он был мастером спорта по плаванию, это не помогло бы ему в здешней воде. Может быть, поможет палатка. И все росло и росло томительное чувство необходимости. Выхода нет, а значит, зачем откладывать?

Снег все валил и валил. Было тихо, и даже шум воды шел как сквозь вату. Баклаков скатал палатку. Вытащил из рюкзака шнур и плотно перевязал его в двух местах. Не раздеваясь, перешел пережат. Сапоги стали очень тяжелыми. У следующей протоки он тщательно вымочил палатку в воде. Пока он ее мочил, руки заоченели. Баклаков взметнул палатку как сеть-закидушку и быстро собрал в горсть дно. Получился большой белый пузырь. Он вошел в воду

и положил щеку на влажную бязь. Одной рукой он держал дно палатки, собранное в горсть, другой – греб. Он слышал, как шипят выходящие сквозь ткань пузырьки воздуха, как слабеет под щекой воздушная подушка, слышал холод, сжимавший грудь. Берег исчез. Быстро и бесшумно мчалась вода. Водовороты скручивались вокруг него. Страха не было.

Пузырь палатки все слабел и слабел. Он перехватил левую руку повыше и стал быстрее грести. Но палатка как-то сразу вздохнула, и голова ушла в воду. Баклаков схватил палатку зубами и начал грести обеими руками. Но белесая, как привидение, ткань метнулась к животу, спутала руки. Он разжал зубы, и тут же его потянуло вниз – палаточные растяжки захлестнуло за сапоги. Течение несло его куда-то вниз, бесшумно и очень быстро, как во сне. Баклаков нырнул, чтобы распутать ноги. Шапочку смыло. Пеньковая веревка мертво держала ноги. В это время рядом с ним возник сморщенный бог-старичок. «Нож, – сказал он ему. – Успокойся, у тебя нож». Баклаков снова нырнул и просунул лезвие между спутанных ног. Сразу стало легче. «Скинь рюкзак, – сказал ему старичок. – Не бойся». Палатка колыхалась рядом. Баклаков погреб по-собачьи. В левой руке был мертво зажат нож. В телогрейке еще держался воздух, и плыть было легко. Впереди на воде мелькнуло что-то темное. «Куст застрял, отмель», – сообразил Баклаков. Он поймал метавшуюся рядом палаточную растяжку, просунул ее сквозь лямку рюкзака, опустился, оттолкнулся от дна и скакнул вперед, снова опустился и снова оттолкнулся вперед...

По отмели он прошел вверх, буксируя по воде рюкзак и палатку. Телогрейка и одежда казались невероятно тяжелыми. Он вышел на остров, впереди была другая протока, но мордовский бог был рядом, и Баклаков без колебания вошел в воду.

...Снег шел все гуще, и Баклаков боялся потерять направление. Он вытащил из кармана компас, но внутри его была вода, и стрелка прилипла к стеклу. Буксируя палатку, один за другим он пересекал и пересекал мелкие острова и протоки, казалось, им нет числа.

Коренной берег он угадал сразу. «Вот так-то, товарищ Чинков! Клизма без механизма!» – сказал Баклаков. Снег шел. Баклаков выжал телогрейку. Отжал портянки. Судя по весу, вода в рюкзак почти не попала. Сейчас его лучше не трогать. Пленка в футлярах, фотоаппарат и дневник замотаны. У него оставалась коробка спичек, залитая парафином. НЗ в нагрудном кармане. Ее тоже трогать нельзя. Пятьдесят спичек – пятьдесят костров в сухую погоду. Есть нож, есть вата в телогрейке, а кремни найдутся. Продукты, кроме сахара, высохнут.

Баклаков надел сапоги, телогрейку и побежал. Берег тянулся ровный, засыпанный снегом, вода рядом с ним была темной, как глубокий колодец. Он бежал очень долго, пока не наткнулся на другую воду среди белого берега. Это был приток Ватапа, и по нему надо бежать вверх, в Кетунгское нагорье. «Вот так-то, товарищ Чинков», – на бегу повторял Баклаков. Он знал, что ему надо бежать, пока не кончится снег. Снег кончится, он найдет топливо для костра, и снова жизнь будет прекрасна и удивительна. Вот так-то, товарищ Чинков.

Он шел всю ночь, угадывая дорогу, как зверь. Где-то в рассветный час река совсем сузилась, вода исчезла, и Сергей, проваливаясь, скользя и падая, полз по развалам заснеженных каменных глыб: вперед и вверх, вперед и вверх. Один раз он услышал в метели стук копыт и тяжелое дыхание убегающего, видимо, больного оленя. Потом в животе родился горячий ком, поднялся в грудь, в голову и все заслонил. Несколько раз Баклаков ударялся коленом об острые углы каменных глыб, но боли не чувствовал. Когда жаркий ком ушел, он увидел, что снег перестал, над горами на горизонте полоска синего неба, и он идет по склону сопки, по бараньей тропе, идет по темным, сильно метаморфизированным сланцам. «Все, Серега, – сказал он самому себе. – Пришли». Гранитный массив, первый из трех намеченных, был рядом. Баклаков чувствовал это. Он вошел в зону контакта. «Дошел-таки, клизма без механизма», – прошептал Баклаков. Но радости не было. Хотелось лежать. В узкой закрытой долинке Баклаков кое-как натянул палатку. С юга, с сопки нагорья неотвратимо и беззвучно ползла новая черная туча. «Немного полежу и буду работать, – твердил он. – Немного полежу и пойду дальше.

Хочу полежать». Баклаков, не раздеваясь, лег на мокрый бязевый пол палатки, сунул ладони между коленями, положил голову на мокрый рюкзак. Голова оперлась об острый угол пистолета, лежавшего сверху. Он передвинул голову и провалился куда-то. Очнувшись в очередной раз, он услышал шуршание снега о палатку. Потолок палатки провис, и когда он коснулся его щекой, щеку как будто полоснуло раскаленным железом.

Баклаков заставил себя высунуть голову из палатки. Камни вокруг были покрыты пеленой мертвого синего снега. Напротив палатки опять сидел заяц и с интересом смотрел на него. Воистину зайцы преследовали его. А может, это уже бред?

– Сиди! – громко сказал Баклаков и пополз за пистолетом. Рюкзак не развязывался. Он перерезал шнуровку, вынул пистолет и передернул, загоня патрон. Заяц все так же сидел на месте. Сергей поднял пистолет обеими руками и долго водил его. Ствол прыгал от зайца на метр в ту и другую сторону. Заяц сидел неподвижно, и косые ведьмины глаза его жутковато поблескивали. Баклаков закусил губу, остановил ствол и нажал спуск. Оглушительно грохнуло, и дымящаяся гильза упала рядом с ним. Заяц бился на снегу, сучил длинными ногами. «Врешь, товарищ Чинков», – пробормотал Баклаков, взял зайца за мягкие теплые уши и отнес в палатку. Он кое-как ободрал зайца длинным ножом и стал есть теплые кусочки мяса, стараясь тщательно прожевывать их. Так он съел всю заднюю часть зайца. Затем Баклаков выкинул оставшиеся окровавленные, облепленные волосом куски мяса из палатки и снова лег, прижал подбородок к коленям. Ему не было холодно, только он все время поднимался вверх по крутому и рыхлому песчаному склону, песок осыпался, и он оказывался внизу и снова полз. Песок был серый, свинцового цвета. «Мое время впереди, товарищ Чинков, – шептал Баклаков, поднимаясь по серому склону. – Ты нас, вятских, не знаешь. Где надо, мы буравом ввинтимся, где плечом шибанем, где на цыпочках прокрадемся, где дураками прикинемся. Мы, вятские, все такие».

5

Старый человек по имени Къяе сидел на заснеженном тундровом пригорке в странной позе – плотно сомкнутые ноги были вытянуты перпендикулярно туловищу. Европейец не выси- дел бы подобным образом и пяти минут. Но Къяе поза не доставляла затруднения – привык с детства. Считалось, что так лучше всего отдыхают ноги и позвоночник. Снег, падавший на плечи и непокрытую голову, также не мешал ему. Более того, снег напоминал, что скоро придет зима – лучшее время для пастуха. Подумав о зиме, Къяе шевельнул плечами, руки выскольз- нули из широких рукавов вовнутрь меховой рубашки. Тепло. Уютно. Он втянул ноздрями холодный и влажный воздух. Запах дыма исчез – снег потушил верховой пожар. Остались гореть лишь торфяные ямы. Но чтобы загасить их, требуется затяжной дождь. Потом в эти ямы будут проваливаться и ломать ноги олени. Потом их затянет льдом.

Стадо лежало спокойно. В первый день снегопада, избавившись от комаров и жары, олени паслись почти круглосуточно. Он специально заранее пригнал их сюда на невыбитое, но маленькое пастбище. Пастбища хватит на неделю – как раз до новых комаров. Подумав об этом, Къяе удовлетворенно хмыкнул. На старости лет он угадывал предстоящую погоду почти безошибочно. И потому выбирал точное место для стада. Сейчас стадо спокойно лежит, набирает вес. А он спокойно, не тратя сил, сидит на пригорке. Он снова обманул старость.

Къяе думал о Времени. Когда он думал о веренице прожитых лет, о том времени, когда не было еще самого Къяе, но уже был отец, о еще более раннем, когда не было и отца, но был народ Къяе, он всегда представлял себе вереницу холмов в тундре. Холмы в аналогии Къяе были событиями, которые в сущности составляют Время. Без событий нет Времени – это Къяе знал твердо. Если даже представить нечто отдаленное как шепот умершего, то и тогда были события, а значит, было и Время. Холмы составляют тундру. Тундру можно сравнить с жизнью, с безбрежным ее пространством.

Такова была схема жизни, пространства и времени, выработанная пастухом Къяе, и она вполне устраивала его. Одни холмы затевают другие, из-за ближних не видно дальних хол- мов, точно так же обстоит дело с событиями. И между холмами существуют закрытые ото- всюду низины, а вовсе дальние холмы исчезают в воздухе, как теряется, слабеет и тонет даль- няя память.

Земля, где родился и состарился Къяе, всегда лежала в стороне от истории, изучаемой в школе. Сюда не дошло влияние древних культур Востока. Европейская или, как ее иногда назы- вают, христианская цивилизация узнала о Территории позднее, чем о народах южных морей. Захватившие в свое время Восток проповеди буддизма и мусульманства также обошли Тер- риторию стороной. Сюда никогда не добирались миссионеры. То ли холод и дикая репутация Территории пугали их больше, чем жара и стрелы туземцев тропических стран, то ли земля ее заранее считалась нищей и непригодной для жизни, а потому вовсе не нужной церкви.

Тем не менее предки Къяе здесь жили тысячелетия. Существует теория о том, что где-то на рубеже каменного и бронзового веков волны миграции зашвырнули сюда группу бродячих охотников и откатились обратно, оставив их на берегу покрытого льдом океана среди снежных холмов. Они называли себя «люди», или, точнее, «настоящие люди», «подлинные люди». Вели- кая рациональность пропитывала их одежду, пищу, обычаи. Это была рациональность трав и лишайников, которые выстояли на мерзлых почвах и камнях Территории. Жизнестойкость племени Къяе выражалась в освежающем душу юморе и беспечности. Без юмора, наверное, предки Къяе быстро превратились бы в психопатов. Народ психопатов не может существовать, так что беспечность их также являлась рациональной.

...В стаде что-то тревожно взорвалось, заволновались спины оленей, вырвался в сто- рону старый рогач и побежал. Туловище его плавно и размеренно колыхалось, и лишь тяжелая

корона рогов плыла плавно и царственно. Столь же неожиданно бык остановился и пошел к стаду.

Къе запустил руку за вырез кухлянки и достал массивную старую трубку.

...Къе наблюдал приближение старости не в зеркале, а по чувству усталости, которое все чаще приходило к нему. Его жизнь требовала непрерывных физических усилий: бега, ходьбы, метания аркана, погони за оленями, иногда стрельбы. Уже много лет он с легкой усмешкой смотрел на мир и обманывал старость тем, что экономил движения. Он знал, куда побегут олени, угадывал маршрут подбиравшихся к стаду волков. Он угадывал погоду, чтобы, даже уходя от пурги, экономить силы. Къе числил себя в прошлом гораздо больше, чем в будущем. Говорят, что после смерти человек попадает в другую тундру, но он не очень-то в это верил, хотя и не возражал бы пожить еще раз. Къе с детства усвоил, что лишняя движения мудрость бесполезна для близких, а значит, служит обузой народу. Это была очень старая истина. Подумав о смерти, Къе глубоко затянулся табачным дымом, все-таки курить сладостно. Он закашлялся, и тут ему почудился выстрел. Он не мог точно сказать, был выстрел или нет, но смутная тревога погнала его к яранге. Олени стояли теперь, сгрудившись в кучу. Быстро перебирая ногами в мягких пастушьих олочах, Къе быстро взбежал на откос. От яранги шел дым, значит, внучка там, никуда не ушла. Все-таки он поддернул ремень длинного винчестера на плечо и пошел к яранге, машинально стараясь не наступать на свой утренний след на снегу.

Внучку звали Тамара. В этом году она шла в десятый класс и, может быть, последнее лето проводила в тундре. Редко кто из молодых возвращается после школы в тундру.

– Э-эй! – окликнул тихонько старик, подойдя к яранге. Ему никто не ответил. Над костром из веток полярной березки висел старый медный котел – предмет обывательской гордости старика Къе. Котлу было столько же лет, сколько ему. Он заглянул в полог. Тамара зашивала его старые любимые брюки из камуса. Зимой будет некому их зашить. Она сидела обнаженной по старому обычаю женщин их племени, только вместо пыжиковой шкурки на ней были спортивные трусики. Старик с удовольствием смотрел на крепкое тело внучки, на уже по-женски широкие бедра, на заносчиво торчащую грудь будущей матери. Может быть, он доживет еще до ее сына. Къе нравилось, что внучка соблюдает древний обычай и дает дышать телу. Во всяком случае, когда в яранге нет молодых пастухов. Тамара выскользнула из полога, сняла с треножки котел и повесила чайник. Она двигалась бесшумно и быстро, как горностай. И вся фигура ее была гладкой и обтекаемой, точно у горностая.

Сидя на корточках у стенки яранги, старик не отрывал глаз от внучки. Обнаженное тело было обычным в их образе жизни. Это было рационально, полезно для здоровья. Тело Тамары было смуглым, спортивные трусики белыми, на смуглых ногах красные спортивные тапочки, и волосы, черные и блестящие, как утренняя вода в торфяных озерах. Красиво. Къе спросил:

– Ты слышала выстрел?

– Никакого выстрела не было. Я бы услышала.

– Наверное, так, – согласился Къе.

Он выпил кружку кирпичного чая и заторопился обратно к стаду. Выстрела не было. Тамара – настоящая девушка из племени настоящих людей. Она слышит шорох мыши под снегом.

У Къе была пастушья походка – он переваливался из стороны в сторону, точно хромал сразу на обе ноги. Такая походка вырабатывается от бега по кочкам. Этот выстрел, наверное, пришел из-за дальних холмов Времени, может быть, он прозвучал пять или десять лет назад, а теперь вернулся. Наверное, так. Или пришел из будущего. Къе верил, что ничего в горах и тундре не бывает зря, и в памяти его осталась зацепка – выстрел, который почудился.

Олени все еще лежали. Скоро они начнут разбредаться в поисках ягеля, и ему уже будет не до сидения. Он снова достал трубку, набил ее крупно нарезанным табаком, который в магазине продавался на вес, как сахар или макароны.

Къе снова пригнулся и закрыл глаза. Он вспомнил быстрые движения внучки, скользящую ее походку, подумал вдруг, что видеть такое – и есть счастье, если ты уже пережил любовь к вещам, власти, самому себе.

Подумав о счастье, Къе снова вернулся к размышлениям о Времени. Все-таки в них не все было гладко. Особенно в сравнении событий с холмами. На один и тот же холм можно взойти многократно, и каждый год его кочевой маршрут проходит мимо одних и тех же холмов. События же не повторяются. Таким образом, жизнь – это длинный маршрут, каждый раз в новую местность. Начало этой перекочевки начинается в неизвестности и кончается в неизвестности же. За пределы нельзя заглянуть. Тогда почему к нему очень часто приходит ощущение, что все это с ним однажды уже было? Может быть, он по старости лет заблудился и повторяет местность? Но где тогда люди, которые проходили по ней вместе с ним? И вдруг по неизвестному сцеплению мыслей Къе понял, что выстрел ему не почудился. Он был.

...Сергей Баклаков все выбирался из песчаной ямы, проваливался и выбирался. Он все так же лежал, засунув ладони между коленями. Временами он чувствовал, что тело его распухает, вытягивается и становится таким огромным, что было непонятно, как оно умещается все в той же тесной палатке. Затем он опять терял сознание и полз по склону. Бред и явь мешались, и теперь наяву он лежал на дне ямы и рассматривал серый песок, рассматривал краем глаза. «Это у меня бред, – думал он, – такого песка в жизни не может быть. Я очень болен. Надо встать и идти. Надо действовать, а не думать».

...Он очнулся в этот раз от шороха чьих-то шагов. Они врезались в монотонный шорох дождя, к которому он привык, и его не слушал. Палатка содрогнулась, и на щеку его упали холодные капли. «Пистолет, – подумал Баклаков, – куда я его бросил?» Но ему было лень вставать, и он снова закрыл глаза. Опять захрустели шаги. Видно, этот «кто-то» искал вход.

«Пусть поищет», – думал Баклаков и даже улыбался.

– Е-э-сть кито живьей? – раздался голос. Баклаков хотел ответить, но только просипел и искренне этому удивился.

– Э-ей! – мягко повторил голос. Сергей Баклаков встал на четвереньки и сразу почувствовал затылком влажную холодную бязь. «Задел потолок, теперь протекать будет», – вяло подумал он и попытался загнуть край палатки, выползти из нее. Но ткань прилипла к палке. Тогда он с усилием поднялся и встал вместе с облепившей его палаткой. И тут же у ног увидел свой пистолет, покрытый ржавчиной. Он видел только крохотное пространство вокруг сапог и ржавый «парабеллум» – трофей минувшей войны. Наконец Баклаков стянул с себя мокрую, липкую и холодную ткань, и по глазам ударил свет. Он увидел темнолицего, одетого в мех старого человека. Тот, по сравнению с его собственным раздувшимся непослушным тяжелым телом, показался Баклакову крохотным и невесомым, Дунь – улетит.

– Здравствуй, – хрипло сказал Баклаков.

– Здравствуй, – откликнулся старик.

– Заболел, кажется, я, – прохрипел Сергей. – Я геолог.

– Геолог хорошо, – радостно сказал старик и, как показалось, облегченно вздохнул. – Я пастух. Знаю, что ты заболел.

– Откуда?

– Выстрел слышал... Смотрим – палатка. Спрятались, наблюдаем. Утром человек не выходит, вечером не выходит. Ясно, что заболел.

– Стадо далеко?

– Во-он, – старик кивнул в пелену, за черные блестящие камни. – Дойдешь?

Голова у Баклакова кружилась. Он сел на палатку, скривил рот.

– Пожалуй, один будешь – помрешь. Пожалуй, точно помрешь, – сказал пастух. – Пойдем к яранге. Меня Къе зовут. Бригадир Къе.

Баклаков, не вставая, застегнул влажную телогрейку, надел пояс, сунул в кобуру пистолет, смотал палатку и сунул ее под клапан рюкзака, который так и не развязывал на этой стоянке. Къе нагнулся, чтобы взять рюкзак, но Сергей уцепился за лямки.

– Мне с грузом легче, – прохрипел он.

Он встал, но его повело куда-то вбок, и он уцепился за скользкий рукав мокрой кухлянки, в груди возникла тяжкая ломящая боль, потом ушла в спину. Но все-таки он почувствовал твердую тяжесть груза на спине, и это придало силы.

– Вперед и прямо, – шутливо просипел он и пошел в туманную мглу дождика, куда указал ему Къе.

Как показалось Баклакову, шли они недолго, хотя на самом деле шли они почти полтора часа. Наконец, они пересекли маленький прозрачный ручей (вода так приятно охладила горящие ноги), Баклаков увидел на взгорке темный конус яранги и дым. Затем он вспомнил себя в меховом низком пологе. Къе совал ему коробку с лекарствами и что-то говорил про фельдшера, Баклаков понял, что лекарств очень много, но Къе не знал, какие ему надо, какие нет.

– А мне-то откуда знать? – удивился Сергей. Он стал пространно объяснять, что ничем никогда не болел и болеть вообще не может, произошла случайность, он, Баклаков, заболел вместо кого-то.

Он все рассказывал, но в полог влезла Тамара, стащила с него сапоги, мокрые брезентовые брюки, рубашку и, раздев Баклакова догола, с трудом натянула на него легкие брюки и рубашку из пыжика. Потом, во время очередного приступа баклаковского смеха, сунула ему в рот две таблетки норсульфазола и аспирина. Сергей Баклаков затих.

Бред его изменился. Баклаков поверил, что к нему в палатку пришел с детства знакомый болотный бог. У бога были запряганные в складках кожи глаза. Чаше глаза были выпцветшие, голубоватые, как у вятских старушек. Они все понимали. Иногда отсвечивали болотным зеленоватым светом, и тогда Баклакову становилось страшно, как в детстве. Но это был его бог, насквозь знакомый старик, и Баклаков никуда не пытался бежать.

6

Когда пошел снег, Салахов все еще находился на старой базе Катинского. От снега база с ее грудями ржавых консервных банок, выброшенными кирзовыми сапогами, опорками валежков, темными бочками из-под солярки и керосина выглядела неприятно, как запустелый, разоренный, загаженный дом. В палатке по ночам стало холодно. Салахов мотался по окрестностям, набирал пробы в рюкзак. Пробы он приносил Богу Огня, который, закутавшись в плащ, сидел у воды и хлюпал носом. Когда Салахов приносил пробу, он лишь моргал слезящимися от простуды глазами, сбрасывал плащ и шел в воду. Салахов очень его жалел.

– Потерпи, – сказал он.

– А я чего? Я терплю! – быстро ответил Бог Огня. Они ушли с базы Катинского, так и не найдя ничего, кроме ничтожных «знаков». Отсыревшая палатка и спальные мешки отяжелели и не влезали в рюкзаки. Когда собрали лагерь, Салахов взял рюкзак Бога Огня, положил его сверху на свой. Бог Огня косился на Салахова из-под капюшона и боязливо молчал.

– Я сам, я сам, – наконец сказал он. Лицо у него было серым, и зубы постукивали в ознобе. Так как Салахов ему не ответил, то Бог Огня пробормотал, оправдываясь:

– Простудился я маленько. Только пустому мне срамотно идти.

– Придем на Ватап, там кусты, – сказал Салахов. – Устрою тебе парную, и будешь здоровый.

– Костер запалим?

– На всю тундру и дальше.

– Тут полубочка валяется. Надо взять, ежели баня.

– Где?

– Я понесу. Она легонькая, – засуетился Бог Огня. Салахов ушел вперед, чтобы мыть по дороге шлихи. След Салахова был ровный, синий, в каждой маленькой луже воды. К середине дня через низкий перевал они вышли к реке Ватап чуть выше того места, где переправлялся Сергей Баклаков.

Бог Огня сбросил бочку и сразу разжег костер. Салахов выбрал косу с ровной галькой, расчистил от снега, натаскал сухих веток. Снег перестал, но облака так и висели: выстрели дробью – прольются осадками. Они быстро наносили кучу сушняка величиной с большую копну. Бог Огня запалил ее, и скоро на гальке полыхал огромный и жаркий костер. Когда костер прогорел, в центр его поставили наполненную водой полубочку и, приплясывая от жары, натянули мокрую палатку прямо над раскаленными камнями. Салахов притащил охапку зеленых веток, бросил ее в палатку, велел Богу Огня раздеваться и залез следом сам. Банка воды, опрокинутая на гальку, взорвалась паром. Бог Огня блаженно взвыл, и так полчаса из палатки доносились взрывы пара, хлестание веток и стон. Салахов нагишом выскочил из парилки, разостлал на сухой гальке кукуль и велел выбегать Богу Огня. Тот нырнул в мех. Салахов разжег рядом костер и поставил банки для чая. Морщины на лице Бога Огня разгладились, носик блестел. Он держал обеими руками кружку, прихлебывая чай, и расцветал на глазах от заботы.

– Сейчас бы одеколону. Флаконов пять. Или шесть! – сказал он.

– Кружку спирта. Полную. И кусок оленины, – добродушно ответил Салахов.

Бог Огня вдруг улыбнулся острой и ясной улыбкой.

– Я из-за этого спирту себя погубил, – весело сказал он. – Теперь живу на зароке. Третий год уже пошел.

– Лечился?

– Сам. Как баба умерла, так и закончил.

– Запьешь?

– Нет, – все так же звонко сказал Бог Огня. – Надо детей выводить. Двое их у меня. Мишка и Тоська. Из детдома я их уже вывел. Живут у сестры, все деньги ей отправляю, чтобы у них все было, чего раньше из-за моей срамотищи не было.

– Правильно! – одобрил Салахов.

– Теперь надо на дом накопить и жить всем вместе. Пишут: «Папочка, приезжай».

– А ты их сюда вези. Другие живут, почему и твоим не жить? – сказал Салахов.

– Я бы не против. Место тут для детишек неподходящее, – вздохнул Бог Огня. Он огляделся, как бы для утверждения этой мысли. Черные влажные кусты, синий снег клочьями вокруг них и белесая мгла в той стороне, где полагалось быть сопкам. В тучах прорезались багровые полосы заката. Шумела вода.

– Тут место для мужиков. Для сильного организма, – дополнил он.

От сохранивших тепло камней палатка просохла, и они провели ночь в сухом и нежарком тепле. Утром Салахов проснулся в палатке один. Тепло все еще держалось, и Салахов полежал в дремоте. Выйдя из палатки, он увидел ясное небо и Бога Огня у воды. Тот неторопливо мыл пробу, взятую прямо у берега.

– Проснулся я прямо здоровый, – сказал рабочий и радостно передернул в подтверждение плечами. – Решил посмотреть наудачу в лоток.

Над верховьями реки висело солнце, небо было безоблачным, и тундра, и пожелтевший кустарник сверкали радостным желтым цветом, снег исчез.

– Все как на празднике, – перехватив салаховский взгляд, сказал Бог Огня. – Прямо краски не пожалели. Может, правда детишков сюда привезти?

Было в его радостной суетливости нечто такое, что заставило Салахова отвернуться и сказать:

– В этом деле приказа не существует. Ты их заделал, ты и решай.

Бог Огня положил лоток, снял росомашью шапку и вытащил из-за отворота ее кусок лески.

– Красную тряпочку жрет, собака. Гляди! – он преданно глянул на Салахова, метнул леску в воду и тотчас выбросил на песок крупного темноспинного хариуса.

Бог Огня укрепил ноги в не по росту больших сапогах, подпернул телогрейку, сдвинул лохматую шапку и стал челноком таскать хариусов одного за другим. Вскоре весь песок вокруг него был завален упругими, отливающими перламутром рыбами.

– Хватит! – сказал Салахов. – Остановись.

– На эту бы реку... да с сетями, да с бочками. И горб гнуть не надо. На материке-то лазишь, лазишь с бреднем, еле на уху наберешь. А если бы эту реку туда. А нашу воронежскую сюда. Все равно тут населения нету, здесь и пустая река сгодится.

– Ты бы там ее за неделю опустошил, – сказал Салахов.

– За неделю? Не-ет! – вздохнул Бог Огня.

– Закрывай санаторий, – распорядился Салахов.

– Может, навялим да с собой унесем? – предложил нерешительно Бог Огня.

– Против жадности слова силы не имеют, – усмехнулся Салахов. – Против нее автоматы нужны. Выздоровел? Точка! Собирай лагерь, вари уху и топаем согласно полученного задания. Вопросы есть?

– Нет вопросов, – вздохнул Бог Огня.

– Действуй! Я вниз по течению схожу с лотком.

...Салахов шел очень быстро. Его вдруг поразила мысль, что от добра люди становятся хуже. Свиноеют. А когда людям плохо, то они становятся лучше. Пока Бог Огня болел, Салахов очень жалел его. А сегодня он был ему неприятен, даже ненавистен, потому что Салахов вдруг увидел перед собой куркуля. «И я, и я был точно такой же, – думал Салахов. – Был дом, жена, работа. С жиру воровать потянуло. Катинский меня как человека принял. А я...»

Салахов, забыв, что ему надо брать пробу, все шагал и шагал по сухому берегу реки Ватап. Мысль о том, что добро к людям ведет к их же освинению, была ему очень неприятна. Какая-то безысходная мысль. По опыту армии, по опыту тюремной жизни Салахов знал, что излишняя строгость так же озлобляет людей. «Значит, ни добром, ни страхом нас не возьмешь, – думал он. – Но должен быть какой-то подход. Должна же быть открытая дверь...»

И вдруг Салахов остановился. Ответ, найденный им, был прост, очевиден. Среди множества человеческих коллективов есть, наверное, только один, который твой. Как в армии своя рота. Если ты нашел его – держись за него зубами. Пусть все видят, что ты свой, ты до конца с ними. И что у тебя все на виду. Одна крыша, одна судьба, а об остальном пусть думает государство.

Салахов развернулся и пошел обратно.

7

Ощущение пустоты, ошибки и странной чертовщины не рассосалось у Монголова и после ухода Чинкова. Они ушли в верховья Эльгая за день до снегопада – две квадратные тумбы в белых брезентовых куртках. В тяжеловесном передвижении их от базы Монголову почудилась какая-то неотвратимость. За день до этого легкомысленным пионером убежал в Кетунгское нагорье Баклаков. Монголов обнаружил после его ухода и спальный мешок под койкой, и банки сгущенки. Нарушение прямого приказа опечалило и испугало Монголова. Но посылать кого-либо следом было бессмысленно. В долине Ватапа или Кетунгском нагорье отыскать человека сможет разве что дивизия. Оставалось надеяться на звезду Баклакова. «Или поумнеет, или не вернется. Исправить ничего невозможно», – заключил Монголов и запретил себе думать о Баклакове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.